

The background is a painting in a style reminiscent of the 'Russian Cubism' or 'Primitivism' movement. It depicts a vast, arid landscape under a pale blue sky. In the foreground and middle ground, there are ancient stone structures, including a prominent stupa with a tiered base and a bulbous top. The stupa's base features carvings of animals, possibly horses or lions, in a stylized, geometric manner. The overall color palette is dominated by warm, earthy tones: ochre, terracotta, and muted blues. The brushwork is visible and expressive, contributing to a sense of historical depth and artistic exploration.

К 80-летию Центрально- Азиатской экспедиции

Л.В. Шапошникова

Н.К. Рерих как мыслитель и историк культуры

Творчество Рериха: искусство или наука?

Творчество и личность Николая Константиновича Рериха (1874–1947) имеют мировое значение. По энциклопедичности знаний, разносторонности таланта его часто сравнивают с титанами эпохи Возрождения. Рерих был личностью уникальной, полностью не осмысленной ни современниками, ни потомками. Великий художник, крупный ученый, оригинальный мыслитель, неустанный путешественник и планетарного масштаба общественный деятель, он обладал внутренним синтезом знаний и творчества, обуславливавшим целостный подход к разным областям научной и художественной деятельности. Такой синтез создает условия, при которых любая сфера деятельности Николая Константиновича

Николай Рерих. 1890-е гг.

не только тесно связана с другими, но и находится в процессе взаимопроникновения, в неразрывной взаимосвязи. Рерих был блестящим историком, причем его исторические предвидения нередко имели пророческий характер; он был крупным археологом и этнографом. Наука и искусство в пределах синтетического пространства внутреннего мира Рериха, тесно взаимодействуя, проникая друг в друга, составляли единое целое.

Подходы Рериха к науке и искусству формировались теми его качествами, которых не было

даже у самых талантливых его коллег. Этим и объясняется его уникальность как историка. И в научные труды, и в художественное творчество он вносил нечто такое, что одухотворяло и то и другое и значительно повышало познавательный уровень художественного творчества, а также эстетику научных исследований. Творчество Рериха было синтезом науки и метануки, действовавшей в течение многих веков в духовном пространстве человека. Вдохнуть жизнь в прошлое – это дано только истинному мастеру. Николай Константинович сумел ухватить

и передать то, что мы называем духом Времени.

Взаимодействие Времени и Культуры придавало полотнам Рериха одно уникальное качество: в них научное знание и искусство сливались так, что граница их становилась неразличимой – одно переходило в другое. Что такое творчество Рериха: искусство или наука? Это наука, ставшая искусством, и искусство, перешедшее в науку.

Археология играла важную роль в создании Рерихом удивительного исторического настроения. «Щемящее приятное чувство, – писал Рерих, – первому вынуть из земли какую-либо древность, непосредственно сообщиться с эпохой, давно прошедшей. Колеблется седой вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридцатое царство; шире и богаче разворачиваются чудесные картины. <...> Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти бесконечная жизнь»¹.

Рерих всегда был точен: его «седой вековой туман» это не метафора, а реальность, проявившаяся в создании исторического настроения. Один из крупнейших археологов России академик А.П. Окладников назвал это его состояние «археологическими грезами». Окладников имел в виду особенность творческого процесса Рериха как археолога и историка и высоко ценил эти «археологические грезы», считая рериховские картины ценным историческим источником. Картины Рериха несут в себе тайну. Она-то и возникала из «седого векового тумана» и входила в образы, запечатленные на полотнах. Картина Рериха, подобно культурному слою в археологии, требует, во-первых, соответствующих знаний, а во-вторых, склонности к размышлению. Для анализа исторического источника требуется выполнить те же условия.

Археолог и художник

Николай Константинович Рерих родился в 1874 году в семье известного петербургского нотариуса. После окончания гимназии он, по настоянию отца, поступил на юридический факультет Петербургского университета и, по собственному стремлению, – в Академию художеств.

¹ Рерих Н.К. Собр. соч. Кн. I–VII. Кн. 1. М., 1914. С. 14, 24.

Елена Шапошникова. 1900-е гг.

Дипломная картина «Гонец. Восстал род на род» сделала его известным художником и была взята П.М. Третьяковым в галерею. В 1901 году Рерих женился на Елене Ивановне Шапошниковой, которая стала его другом и единомышленником на всю жизнь. В 1902 году в семье Рерихов появился на свет старший сын Юрий, ставший известным востоковедом, а в 1904 году родился Святослав, ставший крупным художником.

Рерих с раннего детства вошел в тот круг интересов, которые и определили его судьбу. Интересы эти были связаны с историей и археологией, с Востоком, особенно Индией, и, конечно, с искусством. Рисовать он начал очень рано. Говорят, что люди делятся на две части. Одни появляются на свет просто для жизни, другие – для призвания. Рерих принадлежал к последним. Объяснить, что такое призвание, не просто. Явление это очень сложное, с таинственными процессами внутренней жизни человека. Можно, напри-

мер, сказать, что призвание — реализация того, что заложено в человеке. В Рерихе было заложено очень много. Он пришел в этот мир с огромным богатством, которое сумел приумножить и принести в дар человечеству.

Древние курганы были разбросаны среди полей и лесов, окружавших имение Рерихов под Петербургом. Первые свои раскопки Николай провел здесь в девятилетнем возрасте. Имение называлось Извара. На первый взгляд оно не отличалось от других небольших имений, которых было немало в окрестностях большого города. Но это только на первый взгляд. Время и здесь расставило свои знаки. Уловить закономерности их появления трудно.

Дом в Изваре был одноэтажным и добротным. Фасад и углы украшали готические башенки. Знак с тремя кругами, который можно увидеть в розе готических соборов средневековой Европы, дважды повторялся на стенах дома. (Знак этот иногда означает пророка.) Дом был старинный и при-

надлежал не одному владельцу. Нотариус Рерих купил его у поручика лейб-гвардии Преображенского полка Веймарна. К готическим знакам дома поручик не имел никакого отношения. Он ничего не знал и о картине, которая висела в одной из комнат дома. На полотне была изображена снежная гора, скорее не гора, а целый хребет.

Картина неотвратимо притягивала мальчика. Он подолгу рассматривал причудливые изломы склонов и неприступные снежные пики. Это потом, через много лет он узнает имя горы — Канченджанга. Она встанет на его Пути без рамы, без осевшей на ней пыли, во всем богатстве удивительных красок. Рерих будет рисовать ее много и упоенно: с разных точек, в разное время года, в разные часы дня; он будет жить невдалеке от нее и видеть ее из окна дома; этот дом будет стоять в Индии. Тогда же он еще ничего не знал о ней. Но Индия уже звучала в названии имения — «Извара». Слово на древнем, теперь уже мертвом, языке этой страны. «Исвара», «Ишвара» — бог,

Н.К. Рерих. Гонец. Восстал род на род. 1897

Музей-усадьба Н.К. Рериха в Изваре

владыка. Об этом ему много позже скажет великий и мудрый поэт Индии Рабиндранат Тагор.

Индия жила не только в имени Извара. Дом был построен в екатерининское время и принадлежал графу Воронцову, который, как говорили, побывал в Индии. И к тому же по соседству с Изварой когда-то жил индийский раджа. Потом эта удивительная страна встанет на Пути Рериха и придаст этому Пути цельность и непреклонную устремленность.

В гимназии Мая, где учился Рерих, он с интересом и прилежанием чертил и раскрашивал карты азиатского материка. Гималаи, Гоби, Куньлунь, Алтай. Горы и пустыни Азии неодолимо влекли его к себе. Они таили в себе многие еще не разведанные тайны. Мальчик внимательно слушал рассказы востоковедов, бывавших в доме Рерихов. Имена Пржевальского, Козлова, Потанина обладали для гимназиста Рериха удивительной притягательностью. Он читал их книги, всматривался в их портреты. Ему хотелось быть похожим на них, но он понимал, что сделать это будет очень трудно. Выдающиеся русские путешественники вели ка-

раваны через пески и верхом на низкорослых азиатских лошадях преодолевали горные перевалы. Случится ли такое когда-нибудь и в его жизни? Иногда возникала уверенность — да, случится.

Прикосновение Рериха к реликвиям дальних веков было непередаваемым и неожиданным. Археология прошла через всю его жизнь. Раскопки на севере России, в Новгороде, Европе, Тибете, Индийских Гималаях. С годами Рерих сформируется как крупнейший историк и археолог.

К археологии, истории, Востоку, путешествиям, живописи Николай Константинович не только интуитивно тянулся, он размышлял об этом неодолимом влечении, пытаясь найти в нем закономерности. Много лет спустя Рерих напишет: «Во всех проявлениях жизни, а в особенности в художественных импульсах, часто приходится встречаться с начальной случайностью. Конечно, эти «случайности» часто оказываются далеко не случайными. Человек зазвучал именно на то, а не на другое, и в этом, может быть, выразились его спящие накопления. Пришла весна, и естественно распустились почки, долго спавшие в зимних

холодах. Началось новое творчество!»² Николай Константинович употребил очень точное выражение — «человек зазвучал». Так и сам он в свое время «завзвучал» на то, что потом стало делом его жизни, и, в отличие от многих, очень рано. Возможно, в этом раннем открытии себя и сказались необычная его одаренность, удивительная талантливость.

Диапазон археологических исследований Рериха был весьма широк и во времени, и в пространстве. Во времени они включали в себя эпохи от каменного века до Средневековья; в пространстве — захватывали Россию (европейскую и азиатскую ее части), Европу, Индию, Центральную Азию, частично Америку. Очень редко даже самые выдающиеся археологи могли поднять научно такой исторический груз. Рериху это удалось: благодаря удивительной трудоспособности и мощному таланту, проявившемуся во многих областях его творчества, редкому сочетанию или скорее синтезу науки и искусства, археологии и художества.

Профессионально заниматься археологией он начал будучи студентом Петербургского университета. Эти занятия были столь успешными, что юного Рериха избрали пожизненным членом Императорского русского археологического общества. Рерих принимал активное участие в раскопках, делал доклады, писал подробные отчеты о научной работе, которые сопровождал великолепными и точными рисунками — лучше любой фотографии. Ему удалось собрать богатейшие коллекции археологических реликвий. В своих раскопках он шел к истокам культуры человечества, к каменному веку, который поразила его не только своей таинственностью, но и удивительным сходством предметов, найденных им на древнейших стоянках огромных территорий, куда можно включить Францию, Бельгию, Италию, США, Монголию, Китай, Венгрию, Швейцарию, Египет, Сибирь. «Даже во время любования Римом, Флоренцией и Вероной, — писал Рерих, — всюду не забывались и каменные изделия и привозились к их далеким собратьям»³. Каменные орудия и каменные изделия, найденные на различных территориях, отстоящих друг от друга на больших расстояниях, практически повторяли друг друга. Находки в России и Европе, отмечал он, — «представляют поразительное сходство с нашими находками; материал, величина, точнейшая форма, характерная обделка (сверление и штри-

ховка), так называемые пуговицы и двойные пуговицы — все говорит не только об общем происхождении, но как бы об одних руках, обточивших эти вещи. Такое же сходство и в каменных орудиях, найденных вместе, — скребки, острия и стрелки с вогнутым насадом»⁴.

Говоря о тайне, «окружающей следы каменного века», Рерих не брал за основу предметы только материальной культуры, а стремился проникнуть в суть красоты созданного, в мышление человека каменного века и его чувства, ибо хотел, и это ему удалось, представить культуру каменного века во всей ее глубине и объемности. Он просматривал в ней удивительное своеобразие и изначальность корней общечеловеческой более поздней культуры. Он был первым ученым, который не согласился с бытовавшей тогда идеей дикости и примитивности людей каменного века. Ведя раскопки этой еще мало изученной эпохи, Рерих ощутил не только красоту материальной культуры каменного века, в частности неолита, но и особенности его духовной жизни, которая, по мнению ученого, находилась на достаточно высоком уровне. «Понимать каменный век как дикую некультурность — будет ошибкой неосведомленности»⁵, — писал он.

За кремневыми скребками, наконечниками стрел, ручными рубилами Рерих видел людей из далекого прошлого и чувствовал творческий дух давно ушедшего времени. «При всей кажущейся дикости, — отмечал он, — древний человек, с неменьшей пытливостью, нежели мыслящий человек нашего времени, стоит перед лицом природы и божества, употребляя все усилия своего гения на уяснение векового смысла жизни. Радость жизни разлита в свободном каменном веке. На каменных скрижалях написало человечество первые слова, слова общечеловеческие»⁶.

Исследовать каменный век Рерих начал в 1902 году с раскопок курганов под Новгородом, затем раскопки охватили Петербургскую и Тверскую губернии. Особенно большой материал по неолиту он нашел у озера Пирос. Антропоморфные фигурки, сделанные из кремня, стали настоящим открытием для археологов, а для Рериха — еще и доказательством зарождения в человеке каменного века эстетического чувства и образного художественного мышления. Эти фигурки смог разглядеть только глаз художника, обладавшего высокодуховной организацией. Историк

² Рерих Н.К. Зажигайте сердца. М., 1975. С. 96.

³ Рерих Н.К. Листы дневника. В 3-х т. Т. 1. М., 1995. С. 155–156.

⁴ Цит. по: Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабеецкий П.П. Н.К. Рерих — археолог. Новосибирск, 2002, С. 21.

⁵ Рерих Н.К. Глаз добрый. М., 1991. С. 103.

⁶ Цит. по: Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабеецкий П.П. Н.К. Рерих — археолог. С. 7.

В.Е. Ларичев писал по этому поводу: «Не стоит поэтому удивляться, что Н.К. Рерих оценивал часто находки каменного века проникновеннее, точнее и глубже, чем иной современный профессионал, уныло разглядывающий “артефакты” через призму процентных соотношений типов орудий. Он первый сумел увидеть среди оббитых камней, найденных при раскопках на берегу оз. Пирос, “человекообразные фигурки”, подобия которых и теперь для иного заикливого на типологиях “артефактиста” не более чем знак необузданного воображения субъекта, случайного в науке. Выявить столь экзотические скульптуры в груде “производственного мусора” и по достоинству оценить их мог лишь человек истинно творческого мышления, лишенный профессиональных предубеждений, щедро наделенный

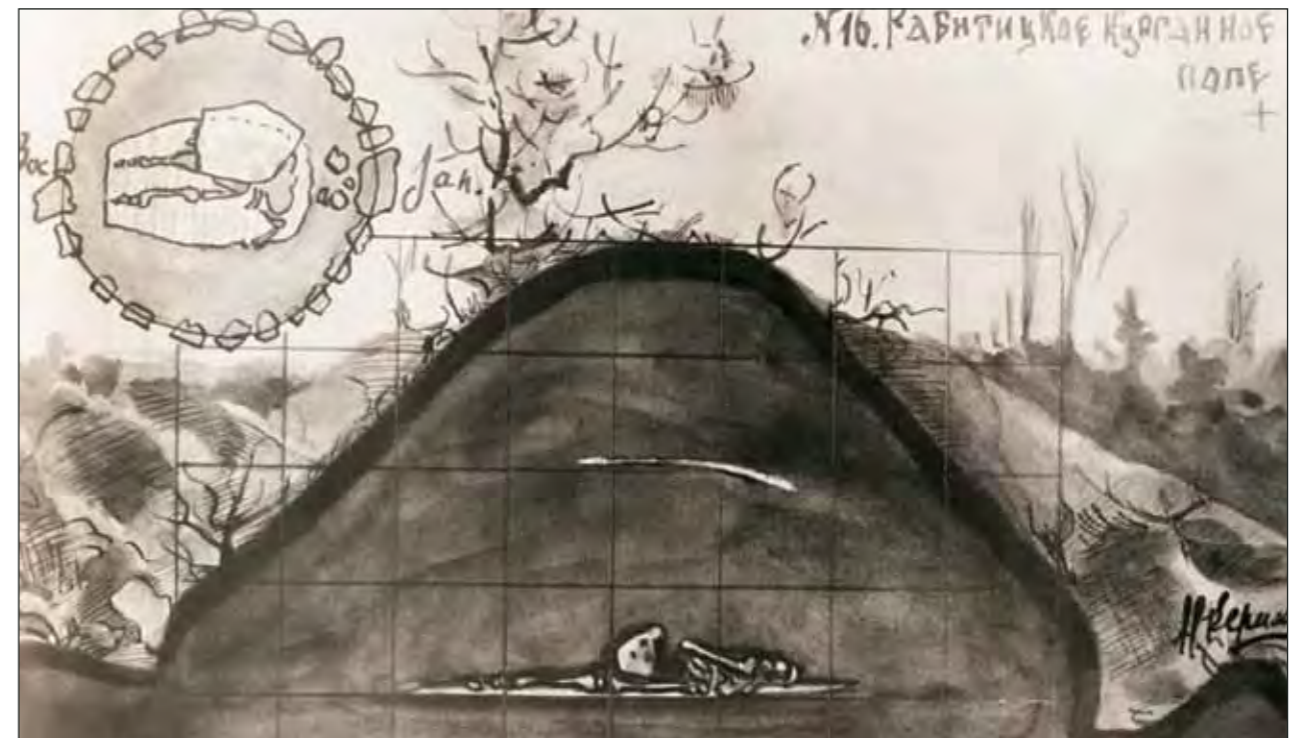
даром художественного воображения»⁷. Кроме дара художественного воображения Рерих был наделен и даром восстанавливать по «артефактам» уже ушедшую в небытие древнюю жизнь во всем ее материальном и духовном богатстве. Ученый сумел проследить по янтарным изделиям каменного века направления миграций населения. Один из главных маршрутов этих передвижений вел на север, к берегам Балтийского моря, столь богатым янтарем. Это были торговые пути, доходившие до Северного моря.

Древняя жизнь возникала из-под земли в виде истлевших клочков, как бы снова восстанавливалась, коснувшись таинственного внутреннего мира ученого и художника. Восстанавливалась в полном богатстве ее материи и духа. Описание Рерихом погребальной церемонии со-

здает полное впечатление реальной картины, выхваченной из истории Древней Руси. Очерк, в котором содержится это удивительное описание, называется «На кургане». В нем богатейшее воображение художника тесно взаимодействует с точностью его научных знаний.

«На носилках посажен покойник в лучшем наряде; тело подперто тесинами. В такт мерному шагу степенно кивает его суровая голова и вздрагивают сложенные руки. Вслед за телом несут и везут плахи для костра, для тризны козленка и прочую всякую живность. Женщины жалостно воют. Почтить умершего – разделись они; много чего на себя повешали. На головах кокошники, венчики серебряные с бляшками. Не то меховые, кожаные кики, каптури, с нашитыми по бокам огромными височными кольцами, это не серьги, – таким обручем и уши прорвешь. Гривны на шее; иная щеголиха не то что одну либо две-три гривны зараз оденет: и витые, и пластинные, медные и серебряные. На ожерельях бус хоть и немного числом, но сортов их немало: мед-

⁷ Ларичев В. Романтическая археология (беглые заметки редактора на заданную тему) / В кн.: Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабеецкий П.П. Н.К. Рерих – археолог. С. 7.

Стратиграфический разрез кургана №16 из курганной группы с. Рабителицы Санкт-Петербургской губернии. Рисунок Н.К. Рериха

ные глазчатые, сердоликовые, стеклянные бусы разных цветов: синяя, зеленая, лиловая и желтая; янтарные, хрустальные, медные пронизки всяких сортов и манеров – и не перечесть все веденецкие изделия. Еще есть красивые подвески для ожерелий – лунницы рогатые и завозные крестики из Царьграда и от заката.

На груди и в поясу много всяких привесок и бляшек: вместо бляшек видны и монеты: восточные или времен Канута Великого, епископа Бруно. Подвески-собачки, знакомые чуди, ливам и курам; кошки – страшные, с разинутой пастью, излюбленные уточки, ведомые многим русским славянам. У девок ниже пояса на ремешках спускаются эти замысловатые знаки, звенят и гремят на ходу привешенными колокольчиками и бубенчиками; священный значок хранит девку.

На руках по одному, по два разных браслета, и узкие, и витые, и широкие, с затейливым узором. Подолы рубах, а может быть, и ворот обшиты позументиком или украшены вышивкой. У некоторых женщин накинута кафтанчик, на манер шушуна, но покороче.

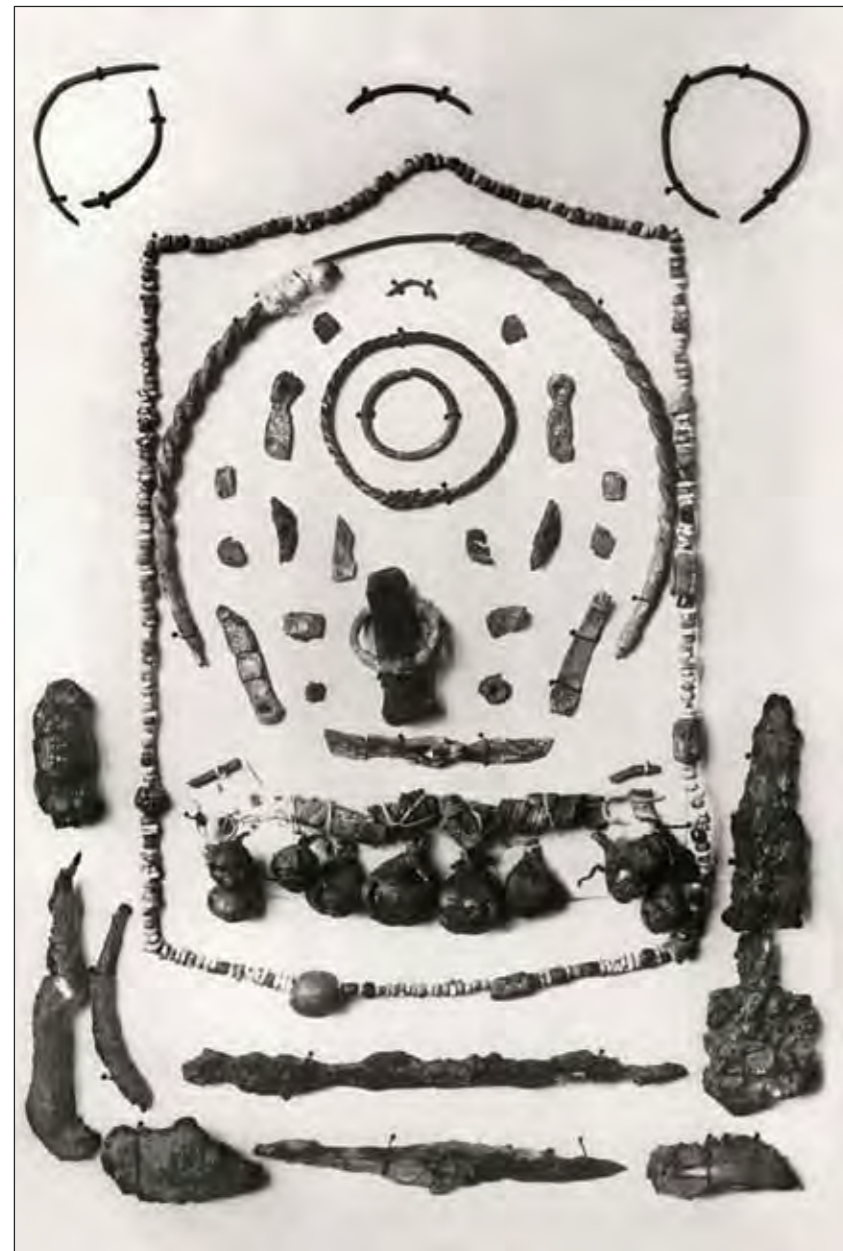
Опустили носилки. Выбрано ровное местечко, убито, углажено, выложено сухими плахами. Посередине его посажен покойник; голова бесильно ушла в плечи, руки сложены на ноги. Сбоку копьё и горшок с кашей. Смолистые плахи

все выше и выше обхватывают мертвеца, их заправляют прутьем и берестой – костер выходит на славу. Есть где разгуляться огню! Зазмеился он мелкими струйками, повеяло дымом. Будто из полузакрывших век, в последний раз осветилось строгое, пожелтевшее лицо... Вдруг щелкнуло. Охнул костер, столбом взлетели искры, потянулись клубы дыма»⁸.

Это фрагмент из сделанного Рерихом описания, настолько реального, что возникает чувство присутствия. Подобная археолого-историческая реконструкция не была свойственна ни археологам, ни «традиционным» историкам. Рерих во многих направлениях археологии и истории оказывался первым, а его исследования нередко имели характер открытий. Он первым начал археологические исследования древнего Новгорода. Предвидел, какие неожиданные открытия, связанные с историей Древней Руси, дадут новгородские раскопки.

«Благодаря необыкновенному “чувству истории”, Рерих, как своими открытиями, так и догадками, предвосхитил ряд достижений советских археологов, работавших в Новгороде», и впоследствии Новгород «стал одним из величайших археологических открытий XX века»⁹.

Рерих прокладывал новые пути в археологических раскопках и исследованиях. Интересный

Археологические находки Н.К. Рериха на Валдае. 1900-е гг.

⁸ Рерих Н.К. Собр. соч. Кн. 1. С. 16–17, 24–26.

⁹ Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабеецкий П.П. Н.К. Рерих – археолог. С. 43.

Е.И. и Н.К. Рерих на раскопках в Новгородской губернии. 1903

и важный археологический материал был получен им на Псковщине, в районах, примыкавших к Финляндии. Он обнаружил теснейшее взаимодействие древнеславянских племен со Скандинавией, Прибалтикой, финскими областями. В его отчетах, докладах, записях содержатся важнейшие указания на исторические миграции древних племен, их традиции и обычаи. Ученый справедливо считал этнографию наукой, дополняющей археологию, и используя ее накопления, объяснил немало темных мест в археологии. Обе науки составляли прочный фундамент древней и средневековой истории, проблемами которой Рерих особенно интересовался. В 1903–1904 годах он совершил историко-археологическую экспедицию по древним русским городам, крепостям и другим культурно-историческим памятникам. Маршрут

его экспедиции прошел по значительной территории и включал Ярославль, Суздаль, Ростов Великий, Изборск, Смоленск, Владимир, Боголюбково, Углич, Звенигород, Юрьев-Польской и другие города. Ученый не только составил по ним описания, но и создал большую и бесценную коллекцию художественных произведений, которые до сих пор имеют большое историческое значение.

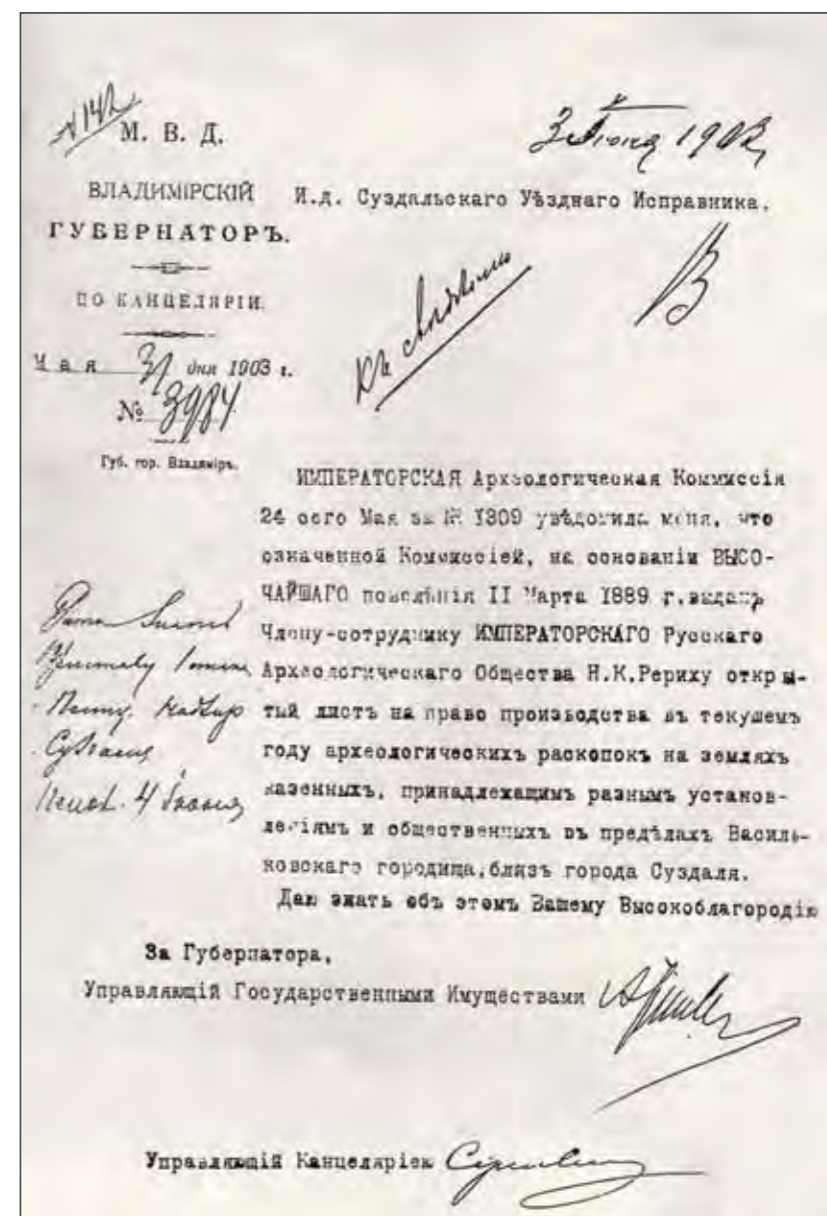
Знакомясь с памятниками истории и культуры, записывая предания и легенды, беседуя с местными жителями, он собрал материал, который свидетельствовал о том, что на территории России сошлись Восток и Запад и их взаимовлияние образовало русскую синтетическую культуру. Именно во время посещения древних городов, имея за собой опыт археологических раскопок, Рерих понял, как грандиозна и многообразна рус-

ская культура. Он искал ее первооснову, определял ее связи с мировой культурой и те узловые моменты в ней, которые меняли, продвигали или задерживали ее развитие. Как истый археолог, он поднимал в этой культуре слой за слоем. Но не разъединял эти слои, а исследовал их как одно целое, неделимое явление.

Рерих различал почерк скифов на каменной резьбе Владимира и Юрьева-Польского и видел тот особый «звериный стиль», который позже он обнаружит на пряжках и пластинах в украшениях народов Алтая и Тибета. В русской крестьянской одежде, затейливых куполах православных церквей Рерих улавливал элементы тех времен, когда Русь стонала под игом пришельцев с Востока. До татар Восток проникал в русскую культуру через Византию. Этот след поведет его дальше, в глубь веков, и он обнаружит более ранние связи Руси с Востоком. Предположит, что это могут быть не только связи, а общие истоки.

Эти размышления и сопоставления Рерих обратит к Северу, к местам, не тронутым монголо-татарским нашествием. От них потянется ниточка к Финляндии, а затем и ко всей Скандинавии. И когда в дымке прошлого растворятся и исчезнут варяжские ладьи, плывущие «из варяг в греки», он станет мыслить о чем-то более раннем, что опять повернет его к неведомым истокам. И в этой цепи размышлений и сравнений возникнут дальние несопоставимые страны: Скандинавия и Индия. А среднерусская равнина и южнорусские привольные степи окажутся странным связующим звеном в этой несопоставимости.

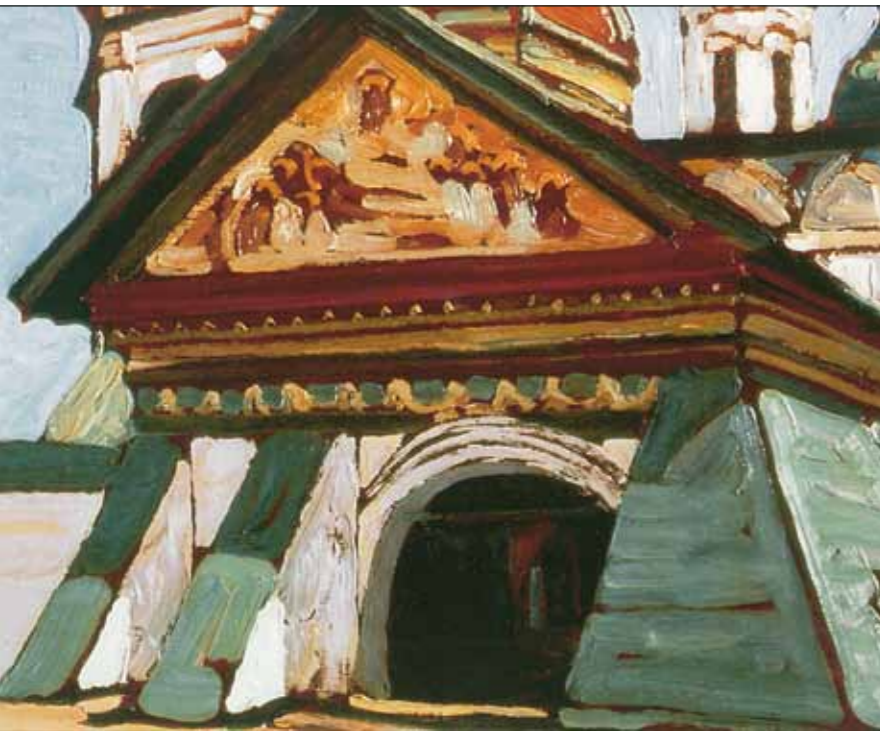
Какие народы здесь проходили? Что мы о них знаем? Время вело его все дальше, в такую глубину прошлого, о котором почти ничего не было известно. Время выносило только знаки этого прошлого, как выносит иногда бурный поток что-то скрытое в его бездонных глубинах. Знаки оседали фантастическими зверьками на стенах русских церквей, поднимались неизвестными, забытыми курганами, возникали каменными зага-

Письмо управляющего государственными имуществами Владимирской губернии об открытом листе на право ведения археологических работ, выданном Н.К. Рериху. 31 мая 1903 г.

дочными кругами Финляндии и русского Севера. Они отзывались в русском языке древним санскритом. Оттуда, из Финляндии, шло эхо исчезнувших народов, туда вел след к чему-то очень древнему, давно ушедшему и забытому.

Возникали предположения, похожие на прозрения. Если как ученый Рерих был осторожен в окончательных выводах, то как художник – свободен и раскован. Истина должна была возникнуть на сопряжении этих двух граней его творчества. Несколько лет спустя он напишет об этом: «В таинственной паутине веков бронзы и меди опасно разбираемся мы. Каждый день приносит новые выводы; каждое приближение к этой груде дает новую букву жизни. <...> Перед глазами еще сверкает Византия золотом

Н.К. Рерих. Ярославль. Вход в церковь
Никола Мокрого. 1903

и изумрудом тканей, эмалей, но внимание уже отвлечено.

Мимо нас проходят пестрые финн-тюрки. Загадочно появляются величественные арийцы. Оставляют потухшие очаги неведомые прохожие... Сколько их!»¹⁰

Во всем этом многообразии форм древней жизни, в бесчисленности прошедших через Время народов Рерих интуитивно предвидел культурное единство, вышедшее из общего истока. Потом в самых разных местах планеты он будет искать факты, подтверждающие общность культур. Но уже тогда перед ним со всей очевидностью возникла проблема. Если единство существовало в прошлом, значит, оно возможно и в будущем? В чем же заключалась основа этого единства? И на чем оно может основываться в дальнейшем? Сможет ли то прошлое единство, преодолев разъединенность

настоящего, вылиться, следуя законам эволюции, в более высокое единство будущего? Для этого нужно было окунуться в прошлое. Изучение этого прошлого было необходимым и насущным. «Человеку, — написал Рерих, — не умеющему понимать прошлое, нельзя мыслить о будущем»¹¹. В этих словах заключалось то, что впоследствии стало его концепцией исторического процесса.

Рерих разыскивал и знакомился с источниками самого разного рода. Готовясь к раскопкам, он глубоко вникал в архивные материалы, летописи, писцовые книги, а также просматривал отчеты и доклады археологов, до него исследовавших определенные археологические места. Он обращался не только к этнографии населения, обитающего в пространстве раскопок, но широко использовал как традиционный фольклор, так и местные легенды и предания. Подходя крайне осторожно к выводам по поводу археологического материала, он внес немало нового в его датировку, что облегчало помещение данных ма-

териалов в реальную историческую обстановку. Все это давало ученому возможность восстанавливать древнюю жизнь во всем ее богатстве и разнообразии. Он провел большую работу по классификации курганов, что помогло более точно систематизировать археологические находки. В одной из записей Рериха мы читаем: «С полята всматриваясь в общую массу курганов, изучая местоположение, сравнивая их внешность, видишь, что они не могут относиться к одному периоду. То огромными полями сплошь они унывают 10–20 десятин, то небольшими группами или же одиноко маячат на пашне, иной раз представляют они свежие, крепкие, точно вчера сложенные конусы с высокой вершиной и ясной правильной булыжной обкладкой в основании, иной же раз вершина оказывается глубоко осевшею или вся насыпь является заплывшим, полушаровидным, даже неправильным возвышением... Эта разница во внешнем виде обуславливает различие и в погребальных обычаях и находках, разде-

¹⁰ Рерих Н.К. Собр. соч. Кн. 1. С. 132.

¹¹ Рерих Н.К. Собр. соч. Кн. 1. С. 132.

Н.К. Рерих. Нижний Новгород. Кремлевская стена. 1903

ляя <...> все курганы настоящей местности на две группы, относя первую к XI и XII вв. и вторую к XIII и XIV вв.»¹².

Классификация курганов, сделанная Рерихом, прочно вошла в археологическую науку. Актуальность его археологических исследований сохраняется до сих пор. Академик А.П. Окладников писал: «В историю русской археологической науки прочно вошли полевые работы Н.К. Рериха по исследованию новгородских древностей, раскопки “жальников” <...> Его в равной мере интересовали древнерусские памятники и финно-угорские древности. На уровне археологической техники того времени его раскопки представляли *передовое достижение*, и как археолога Н.К. Рериха по праву нужно числить в ряду крупных исследователей русской археологической науки»¹³. В.Е. Ларичев, один из ближайших сотрудников академика А.П. Окладникова, отмечал: «Мне же, для кого древнекаменный век и художественное творчество ледниковой эпохи дороже всего в археологии, Н.К. Рерих гораздо ближе по своим представлениям любого из моих современников, занимающихся изучением каменного века и объектов его искусства. Несравненно ближе он мне по душевному настрою, по чувственным восприятиям, по мыслям, духу и устремлениям. Для меня Н.К. Рерих не “навсегда отошедшее в прошлое” или “архивный раритет”, а истинный мой современник, в размышлениях коего я черпаю вдохновение.

Для меня он живой собеседник, у которого я мысленно нахожу понимание и сердечный отклик...»¹⁴ «Счастлив тот ученый, литератор, мыслитель или художник, чьи творения своим влиянием и действительностью выходят далеко за рамки времени, отвещенные роком для его земного бытия. Это вневременное, одинаково мощное воздействие на людей разных эпох сильной творческой личности есть яркий показатель глубины постижения его мира Природы и Человека. Появление деятеля науки и культуры такого масштаба, властителя и выразителя дум всегда событие знаковое»¹⁵.

Определение Рериха как знаковой фигуры нашей эпохи вполне справедливое и честное. Он собрал огромную коллекцию находок каменного века числом в 100 тыс. предметов из кремня, янтаря, полудрагоценных камней. Известность его как крупного археолога росла год от года и нашла широкий отклик в научных кругах за рубежом. Опубликованные Николаем Константиновичем археологические работы получили высокую оценку зарубежных коллег, которые стали искать научные контакты с ним, интересовались его раскопками стоянок каменного века, стремились увидеть его уникальную археологическую коллекцию. Коллекция Рериха была представлена во Франции на историческом конгрессе в 1905 году. Это была первая коллекция, привезенная из России на зарубежный конгресс. Она была уникальной и вызвала настоящую сенсацию

¹² ОР ГТГ. Ф. 44. №85. Л. 29.

¹³ Окладников А.П. Н.К. Рерих и археология / В кн.: Рериховские чтения. К 50-летию Института «Урусвати». Новосибирск, 1976. С. 8.

¹⁴ Ларичев В. Романтическая археология (беглые заметки редактора на заданную тему) / В кн.: Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабеецкий П.П. Н.К. Рерих – археолог. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 5.

Н.К. Рерих. Скалы и утесы. 1918

Н.К. Рерих. Холм (Могильный курган). 1909

среди ученых–историков различных стран. Один из крупных исследователей каменного века французский ученый Е. Картальяк писал о выставке Рериха: «В ней представлены кремневые орудия самых различных форм и редкостного совершенства. Многие отмечают, что они напоминают образцы из долины Нила, некоторые предметы выполнены в форме силуэтов животных. Имеется также очень оригинальная подвеска и гончарные изделия эпохи неолита с любопытными орнаментами в виде отпечатков»¹⁶.

Русская археология была представлена впервые на международном конгрессе именно Рерихом. Позже эти связи укрепятся и разрастутся. Пройдут по всему миру выставки его картин, которые поразят посетителей исторической реальностью и достоверностью. Когда наука оказывалась в чем-то бессильной, Рерих прибегал,

не сомневаясь и не колеблясь, к познавательному свойству искусства, и это всегда приносило плодотворный результат. «Научные постройки в пределах древнего камня опасны. Здесь возможны только художественные наблюдения. За этими наблюдениями очередь. Будущее даст только новые доказательства»¹⁷.

Теория исторической живописи

Рерих всегда обращал внимание на искусство изучаемой эпохи, ибо в этой области находилось духовное творчество древнего человека, очень много говорившее такому ученому, каким был Николай Константинович. Эти особенности творчества прошлого, несомненно, помогали Рериху-художнику каким-то только ему ведомым образом переносить это прошлое на собственные

¹⁶ Ларичев В. Романтическая археология (беглые заметки редактора на заданную тему) / В кн.: Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабеецкий П.П. Н.К. Рерих – археолог. С. 5.

¹⁷ Рерих Н.К. Глаз добрый. С. 104.

Н.К. Рерих. *Заморские гости*. 1901

картины и делать их исторически убедительными.

«Воскресает забытая жизнь древней земли, каменный век, кровавые тризны, обряды далекого язычества, сумраки жутко-таинственных верований, времена норманнских набегов; удельная и Московская Русь»¹⁸, – писал искусствовед Сергей Маковский о полотнах Рериха.

Рерих создал уникальную коллекцию картин, повествующих о древней жизни во всем ее богатстве ушедшей в небытие культуры. «Картина лишь тогда может произвести полное впечатление, если в ней удачно будут разрешены три задачи: художественного эффекта (настроения), задача общепсихологическая и специально-историческая задача. Только гармоничное соответствие этих трех требований произведет впечатление и вызовет желательную эстетическую эмоцию»¹⁹, – подчеркивал он. Теория исторической живописи, которую выстроил Рерих, относится не только к искусству, но и к истории как научному предмету. Ряд картин, написанных им в начале XX века, – «Заморские гости» (1901), «Город строят» (1902), «Поморяне» (1906), «Чудь подземная» (1929) – являются блестящими примерами реализации поставленных художником перед исторической живописью задач. Он настаивал на том, чтобы смотрящий картину с историческим сюжетом смог окунуться в прошлую жизнь, не выдуманную художником, не нафантазированную им, а вполне реальную. Реальность художественного изображения основывалась на научных знаниях. Рерих считал, что археолог или историк должен быть художником; только тогда его научный труд может получить впечатляющую форму и убедительность реальности. Картины «Гонец» (1897), «Сходятся старцы» (1898), «Идолы» (1901), «Каменный век» и «Север»

¹⁸ Маковский С. Поэзия ранних замыслов / В кн.: Держава Рериха. М., 1994. С. 39–40.

¹⁹ Рерих Н.К. Искусство и археология. – Искусство и художественная промышленность. СПб, 1898. №3. С. 190.

(1904), «Колдуны» (1905), «Задумывают одежду» (1908) являются не только произведениями высокого искусства, но и свидетельствами истории.

В то же время у Рериха появились картины, отнеси которые к упомянутому выше ряду нельзя. Их было три: «Сокровище ангелов» (1904), «Владыки нездешние» (1907) и «Книга Голубиная» (1911). Эти картины послужили началом того, что сам автор называл «помимо историков» и что сыграло в его жизни как художника и историка важнейшую роль.

«Громадный камень, — писал С. Маковский о «Сокровище ангелов», — черно-синий, с изум-

рудно-сапфирными блесками; одна грань смутно светится изображением распятия. Около, на страже — ангел с опущенными темными крыльями.

Правой рукой он держит копье, левой — длинный щит. Рядом дерево с узорными ветвями, и на них вещие сирины. Сзади, все выше и выше, в облаках, у зубчатых стен райского кремля, стоят другие ангелы, целые полки небесных сил. Недвижные, молчаливые, безликие, с копьями и длинными щитами в руках, они стоят и стерегут сокровище»²⁰.

Годы спустя этот мифический камень вновь возникнет в гималайском цикле Рериха. У камня окажутся загадочные связи, и легенда о нем зазвучит

²⁰ Золотое руно. №4, 1970. С. 5.

Н.К. Рерих. Книга Голубиная. 1911

Н.К. Рерих. Сокровище Ангелов. 1904–1905

чит странными мотивами. Таинственный Грааль средневековой Европы, артуровы рыцари Круглого стола, вагнеровский «Парсифаль». К опере «Парсифаль» у Рериха было какое-то личностное отношение. Один из его современников вспоминал: «Мне пришлось видеть его (Рериха. — Л.Ш.) с группой друзей на “Парсифале”, и мне показалось, что обычно спокойный художник казался несколько взволнованным»²¹.

Годы спустя появится «Легенда о Камне». Ее соберет и опубликует Елена Ивановна Рерих,

как всегда под псевдонимом. На «Владыках нездешних» мы видим своды высокого собора, чем-то похожие и непохожие на наши, известные. В росписи стен какая-то неопределенность, незавершенность. На узорчатом полу стоят двенадцать человек. На них длинные черные одеяния. Перед тем как написать это полотно, Николай Константинович сделал эскиз. У каменной стены стоят двое, на них те же свободные темные одежды. Но персонажи прорисованы более четко, более определенно. В руках одного из них

²¹ Бурлюк Д. Рерих. Нью-Йорк, б/г. С. 24.

Н.К. Репин.
Ангел последний.
1912

Н.К. Рерих. Меч мужества. 1912

посох. Кажется, что они приготовились выйти, но что-то задержало их у двери. На лицах стоящих раздумье, чуть смешанное с печалью. Они как будто слушают время. Сейчас оно прозвенит сроком и странствием. Тяжелая кованая дверь захлопнется за ними, и не-здешнее станет здешним.

Перед Первой мировой войной Рерих написал еще одну серию картин, смысл которых стал ясен лишь после того, как началась война. Картины имели явно пророческий характер. Эта особенность, проявившаяся в творчестве Рериха в начале XX века, оставалась с ним всю его жизнь. Рерих написал эти картины между 1911 и 1914 годами. На пространстве, занимающем почти все полотно, идет «Небесный бой». Ветер гонит по небу темные грозовые тучи, которые сталкиваются с оранжево-красными облаками. Схлестываясь, тучи и облака превращаются в фантастические фигуры сражающихся и гибнущих воинов.

В багровых отсветах и дыму пожаров во все небо, неумолимо и неотвратно, встал «Ангел последний». Языки пламени поглощают стены городов, башни и соборы. Взгляд ангела суров и безжалостен.

И еще картина, и опять ангел. Он неслышно подходит к воротам города. В руке пришедшего «Меч мужества». Но город спит.

Корабль со спущенными парусами приближается к неприступной крепостной стене. Его печальные мачты напоминают кладбищенские кресты, во всем его облике затаилось что-то тревожное, нехорошее. На желтеющее рассветное небо надвигаются черно-лиловые тучи. «Вестник».

Зарево пожара охватило все небо. Пламя трепещет в окнах вставшего темной громадой замка. Повержен геральдический лев. «Зарево».

Аспидно-черное небо. Пустое и оглушающее. Дым поднимается от развалин, беспорядочной грудой уходящих к зловещему, утратившему свою реальность горизонту. Горизонт искривлен, так он виден только с большой высоты. На холме стоит группа в девять

Н.К. Рерих. Зарево. 1914 ▶

человек. На них старинные платья, на лицах горе и глубокое потрясение. «Дела человеческие».

Особое внимание привлекла картина «Три короны». Три короля стоят на земле. Над ними в небе возникают облачные короны, уходящие куда-то вдаль. Смысл картины стал ясен несколько лет спустя, когда революции смели три великие монархии: Романовых, Гогенцоллернов, Габсбургов.

«Держава Рериха»

Писатель Леонид Андреев, оценивая художественное творчество Рериха, образно назвал его «Держава Рериха». «Да, он существует, этот прекрасный мир, — писал Андреев, — эта Держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не занесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно съездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте, о его людях, о его страхах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты, другие, чем наши, но не ме-

нее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и война — там есть даже пожары с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи... Нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география. И, забываясь, можно по-смертному позавидовать тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит — видит такой прекрасный мир, мудрый, преображенный, прозрачно-светлый и примиренный, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей.

Ища в чужом своего, вечно стремясь небесное объяснить земным, Рериха как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом севера. Это мне ка-

жется ошибкой: Рерих не слуга земли ни в ее прошлом, ни в настоящем – он весь в *своем* мире и не покидает его.

Даже там, где художник ставит себе скромной целью произведение картин земли, где полотно его называются «Покорением Казани» или декорациями к норвежскому «Пер Гюнту», – даже и там он, «владыка нездешний», продолжает оставаться творцом нездешнего мира; такой Казани никогда не покорял Грозный, такой Норвегии никогда не видел путешественник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел грозный царь в грезах своих; но очень возможно, что именно такую Норвегию видел

в мечтах своих поэт, фантазер и печальный неудачник Пер Гюнт – Норвегию родную, прекраснейшую, любимую. Здесь как бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля – и это потому, что все люди, перед которыми открылось свободное море мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к рериховским «нездешним» берегам». Очерк завершается – не ошибусь, если скажу – пророческими словами: «...не мешает послать в царство Рериха целую серьезную бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут историю этой земли и заносят ее на карты человеческих откры-

Н.К. Рерих. Покорение Казани. 1914

Н.К. Рерих. Дом Сольвейг (избушка в лесу). Эскиз декораций к драме Г. Ибсена «Пер Гюнт». 1912

вий, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства»²².

Цитата относится к первой «Державе Рериха». Другую он сотворил позже, уже на иной, далекой земле. Но обе эти державы тесно соприкоснулись друг с другом, ибо первая в действительности была изначальной основой второй. Русский писатель, проникнув в глубь рериховского творчества и коснувшись внутреннего мира художника и ученого, открыл важнейшую особенность этого творчества, составившую главную мировоззренческую основу всех областей, которыми бы Рерих ни занимался. Эту основу можно назвать «нездешностью», или «инобытием», отбрасывая которую – а это происходило и происходит до сих пор, – нельзя постичь уникальность и духовную глубину одного из великих людей XX века, основателя нового – космического – мышления.

Помимо научной, художественной и общественной деятельности, Рерих занимал и административные посты, долгое время руководя школой Общества поощрения художеств. В 1909 году он стал членом Российской академии художеств, а в 1910 году был избран председателем возобновленного «Мира искусств».

Рерих активно участвует в выставках, много пишет, публикуется. Его известность растет. Однако Николая Константиновича преследует болезнь – легочная недостаточность. В 1916 году он вместе с семьей отправляется жить на Ладожское озеро в финский городок Сортавалу. Воздух и климат тех мест благотворно подействовали на его здоровье. В Финляндии, которая в то время входила в Российскую империю, семья Рериха встретила революции 1917 году – Февральскую и Октябрьскую. В 1918 году Финляндия объявила государственную независимость и закрыла границу с Россией. Так, не покидая Родину, Рерих оказался за границей. Кроме того, у него была еще одна, главная, причина временного невозвращения домой: ученый с давних пор стремился в Индию, которая манила его не только как «страна чудес», но и как область интереснейших исторических исследований.

Зов Индии

Рерих чувствовал непреодолимый и властный зов Индии: «Делаю земной поклон учителям Индии. Они внесли в хаос нашей жизни истинное творчество, и радость духа, и тишину рождаю-

²² Держава Рериха. М.: Изобразительное искусство, 1994. С. 97–98.

Н.К. Рерих. Вечное ожидание (Ждущие). 1917

щую. Во время крайней нужды они подали нам зов. Спокойный, убедительный, мудрый знанием. Культ истинного знания ляжет в основу ближайшей жизни, когда растает в пространстве все зло, рожденное человекоубийством и грабежом последних лет»²³.

В 1914 году Рерих написал удивительный по форме и содержанию очерк «Индийский путь», в котором рассказал о замечательной встрече с русским востоковедом В.В. Голубевым в Париже, в музее Чернусского, где в то время была выставка восточного искусства из частных коллекций. «Уже давно мечтали мы, – писал Рерих, – об основах индийского искусства. Невольно напрашивалась преемственность нашего древнего быта и искусства от Индии. В интимных беседах часто устремлялись к колыбели народной, а нашего славянства в частности»²⁴. Голубев провел несколько экспедиций в различные страны Востока и собирался в Индию. Его заинтересовала идея Рериха об общем древнем источнике славянской и индийской культур.

«Теперь все догадки получали основу, все сказки становились былью. Обычаи, погребальные

“холмы” с оградами, орудия быта, строительство, подробности головных уборов и одежды, все памятники стенописи, наконец, корни речи – все это было так близко нашим истокам. Во всем чувствовалось единство начального пути. Ясно, если нам углубляться в наши основы, то действительное изучение Индии даст единственный материал. И мы должны спешить изучать эти народные сокровища, иначе недалеко время, когда английская культура сотрет многое, что нам так близко <...> К черным озерам ночью сходятся индийские женщины. Со свечами. Звонят в тонкие колокольчики. Вызывают из воды священных черепашек. Их кормят. В ореховую скорлупу свечи вставляют. Пускают по озеру. Ищут судьбу. Гадают. Живет в Индии красота. Заманчив Великий индийский путь»²⁵, – писал Рерих.

Но через некоторое время Голубев отвлекся от подготовки индийской экспедиции, затем началась Первая мировая война, и экспедиция не состоялась. И вот, наконец, у Рериха появилась возможность реализовать свою мечту.

Индия стала на пути Рериха не просто событийной вехой, а культурно-историческим яв-

лением. «Во всей Индии, от опаленного юга до вознесенных Гималаев, – отмечал он, – живут знаки, о которых вы вспомните во всякой стране. Во всех них вы по справедливости воздадите почтение тонкости и возвышенности мысли. Любый индус, от самого ученого до самого простого кули, будет рад побеседовать о предметах высоких. Даже за короткое время вы поймете, что поверх личного быта, поверх общественности и государственности для индуса будут самыми значительными высоко духовные предметы»²⁶.

Удивительная духовность Индии имела свои причины. Время в этой стране обладало своими особенностями. Бесследно исчезли с лица нашей планеты древние египтяне, шумеры, тольтеки... И лишь мертвые реликвии в сухой и выжженной земле напоминают о них. В Индии же память обо всех тех, кто когда-то прошел по ее древним дорогам, бьется горячей кровью в тех, кто живет теперь. Древнейшая культура Мохенджо-Даро и Ха-раппы, захороненная в покрытых скудной растительностью холмах долины Инда, продолжается в душах и обычаях тех, кто населяет современные города Индии. Ранняя заря каменного века австралоидных племен еще горит в фольклоре и танцах Южной Индии. Безупречно действовавший в течение веков и тысячелетий механизм культурной преемственности сформировал в «великом ритме» индийский культурный феномен. Индия, как и любая другая страна, подвергалась нашествиям, вторжениям и даже завоеваниям. Но, в отличие от других стран, она быстро ассимилировала культуру пришельцев, превратив ее в органическую часть уже сложившегося своего культурного комплекса. Эта загадочная способность не объяснена и не изучена.

В течение тысячелетий Индия ассимилировала иранцев и греков, парфян и бактрийцев, скифов и гуннов, тюрков и евреев. «В прошлом, – писал Д. Неру, – господствующей чертой развития индийской культуры и даже народностей было некое внутреннее тяготение к синтезу, вытекающее в основном из индийского философского мировоззрения. Каждое новое вторжение иноземных элементов было вызовом этой культуре, но ему успешно противостоял новый синтез и процесс поглощения. Это был также процесс омоложения, на почве которого выросли новые цветы культуры, хотя основа осталась, в общем, без изменений»²⁷. Неру связывал «тяготение к синтезу» с индийским философским мировоззрением. Возможно, в какой-то мере он прав, придавая философскому мировоззрению такое значение.

Оно, без сомнения, составляло суть многовековой духовной традиции Индии, формировавшейся в русле ее культурной непрерывности. Сама духовная традиция, складывающаяся, казалось бы, из самых разных компонентов, таких как философия и народные верования, различные религиозные системы и фольклор, а также многое другое, тем не менее представляет собой нечто целостно-синтетическое, обладающее особенностями, лежащими «поверх» (по выражению Рериха) этого целостного явления. Эти особенности «поверх» дают нам возможность увидеть существенные «непреходящие» моменты самого явления и понять то, что Неру назвал «философским мировоззрением».

Концепция исторического процесса как диалектического единства прошлого, настоящего и будущего формировала индийскую духовную традицию. Не исключено, что именно эта концепция, действовавшая в течение многих веков, привела к тому, что в стране не существовало противостояния элитарной и народной культур. Одни и те же идеи, одни и те же истины воспринимались и использовались различными слоями индийского общества в форме, соответствующей сознанию и образованности этих слоев. Богатая устная традиция играла при этом важнейшую роль.

Народ знакомился с философскими истинами через эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», через мифологию «Пуран» и заклинания Вед, через устные рассказы о жизни Будды. Однако ни жрецы в храмах, ни деревенские сказители не смогли бы сами по себе сформировать упомянутое Неру философское мировоззрение целого народа. Этим занимались другие. Я имею в виду древний институт духовного наставничества, сохранившийся в Индии до наших дней. Санскритское слово «гуру» (духовный учитель) со временем получило такое же распространение на планете, как и русское «спутник».

Гуру были разные: последователи ортодоксальных систем, самобытные философы, просто чуткие и мудрые люди. Но все они, несмотря на различия, творили духовную традицию, не давали ей умереть и бережно передавали ее из поколения в поколение. Гуру как бы замыкали на себе бесконечную цепь культурной преемственности. Несмотря на различия в методах и идеях, они несли в себе непреходящие черты индийского философского мировоззрения. В течение веков духовная традиция Индии вырабатывала в человеке одно из важнейших качеств – молитвенное

²³ Цит. по: Беликов П.Ф. Николай Рерих и Индия / В сб.: Страны и народы Востока. Вып. XIV. М., 1972. С. 215.

²⁴ Рерих Н.К. Глаз добрый. С. 177.

²⁵ Там же. С. 178–179.

²⁶ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. С. 337.

²⁷ Неру Д. Открытие Индии. М., 1955. С. 77.

отношение к Красоте в ее глубинном, философском смысле. Народ Индии, в отличие от народов многих других стран, обожествил создателей философских систем, мудрецов и учителей. Если в Древней Греции поклонялись богам и героям, то в Индии – богам и мудрецам, а потом уже героям. Мудрецы – создатели и творцы духовной традиции Индии – были особым ее явлением. Мудрецы первого поколения, согласно мифологической традиции, были не только культурными героями, просвещавшими народ и обучавшими его различным ремеслам, они были связаны с Космосом. Созвездие Большой Медведицы в Индии называют Саптариши – Семь Мудрецов. От этих семи мудрецов пошли и остальные, каждый из которых оставил свой след не только в мифологии Индии, но и в ее истории. Родословная мудрецов шла через многие века и дошла до XX столетия.

Встречи с Учителями

В 1919 году Рерих вместе с семьей покинул Финляндию. Их было четверо: Николай Константинович, Елена Ивановна и сыновья Юрий и Святослав. Следует сразу сказать, что необычный труд, который был целью самого Рериха, лег на плечи всей семьи. И все, что впоследствии совершалось, делалось всеми, у каждого была своя доля. Через Швецию, где состоялась выставка картин Николая Константиновича, семья приехала в Лондон, затем прибыла в США, где Рерих вел большую культурно-просветительскую работу и создал в Нью-Йорке музей – ныне Музей Николая Рериха, куда отдал значительную коллекцию своих картин. Затем он направился во Францию.

В 1923 году семья Рериха из Марселя отплыла в Бомбей. Оттуда Рерихи совершили путе-

шествие по Индии и посетили ее исторические места – Дели, Агру, Джайпур. Затем прибыли в Калькутту, а оттуда в Дарджилинг, в котором задержались почти на год. Сначала в Лондоне, а затем в Дарджилинге у Николая Константиновича и Елены Ивановны состоялись две знаменательные встречи с Учителем, информацию о котором они получили еще в Финляндии. После этих встреч вся дальнейшая деятельность Рерихов проходила под руководством Учителя, имя которого долго не раскрывалось. Николай Константинович писал об этом крайне осторожно и завуалированно, не желая выдавать имя Учителя невежественной и пошлой молве.

«Мы четверо, – писал Рерих в экспедиционном дневнике, – после полудня ехали в моторе по горной дороге. Вдруг наш шофер замедлил ход. Мы увидели на узком месте портшез, несомый четырьмя людьми в серых одеждах. В носилках сидел лама с длинными черными волосами и необычной для лам черной бородкой. На голове была корона, и красное с желтым одеяние было необыкновенно чисто. Портшез поравнялся с нами, и лама, улыбаясь, несколько раз кивнул нам головою. Мы проехали и долго вспоминали прекрасного ламу. Затем мы пытались встретить его. Но каково же было наше изумление, когда местные ламы сообщили нам, что во всем краю такого ламы не существует»²⁸. Но встреча с «ламой» все же состоялась. Она произошла в небольшом храме, который стоял у дороги, ведущей от Дарджилинга к буддийскому монастырю Гум.

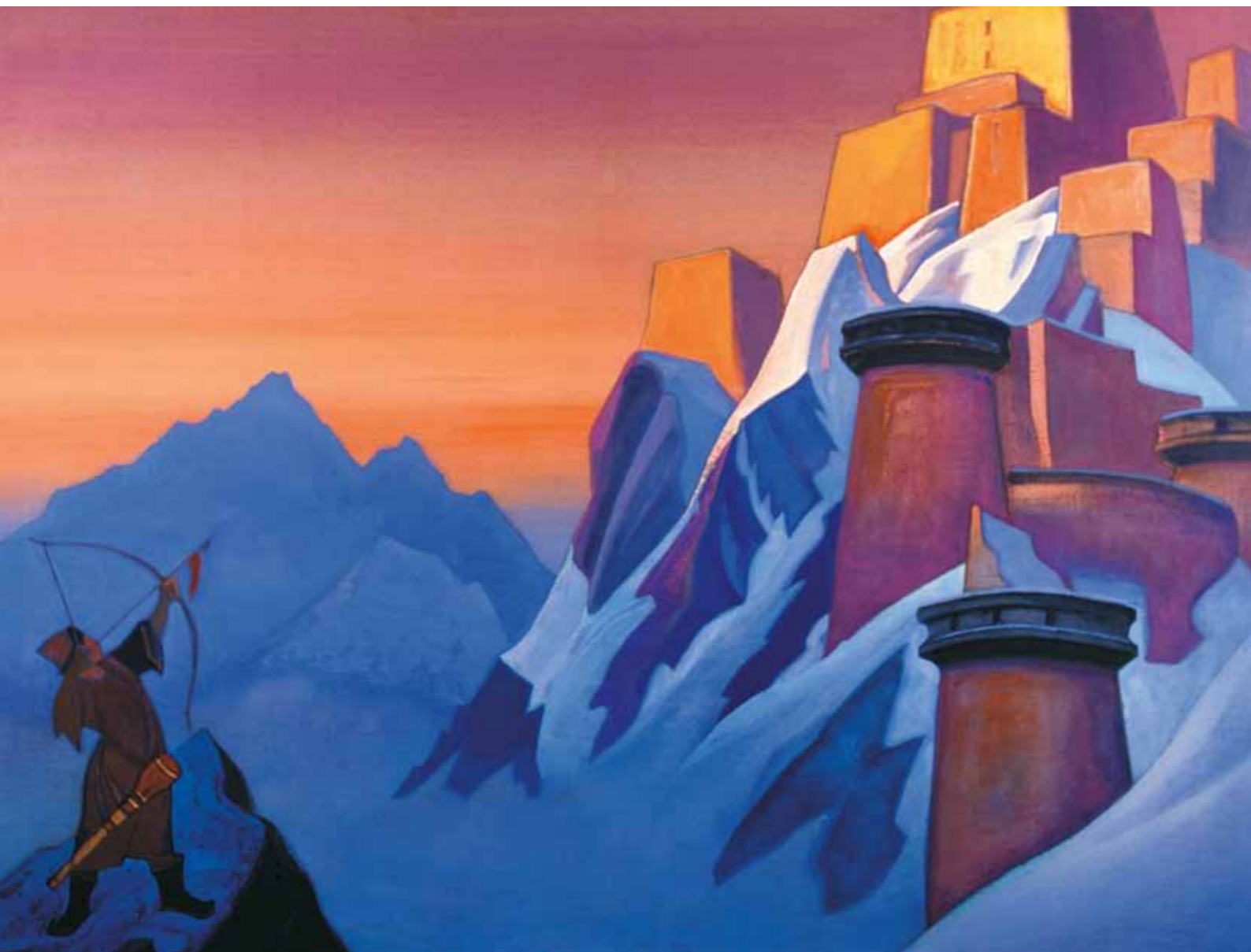
Так в жизни Рериха произошел новый поворот. Он был связан с рядом особых обстоятельств, о которых многие авторы, пишущие о Рерихе, предпочитали умалчивать. Ибо события, которые возникли на его пути, оказались столь уникальными, необычными и эмпирически трудно доказуемыми, что предпочтительно было их замолчать. Тем не менее факт связи Николая Константиновича и Елены Ивановны с Учителями прослеживается по всему научному, художественному и философскому наследию Рериха.

Учителя были блестящими историками не только в теории, но и в деятельной практике. Рерих стал их выдающимся учеником, что наложило отпечаток на него как на историка, и пренебрегать подобным обстоятельством не следует. Ощущение предстоящего поворота в его жизни мы находим уже в живописи Николая Константиновича начала XX века. Три загадочных сюжета – «Владыки нездешние», «Сокровище ан-

гелов» и «Книга Голубиная» – через некоторое время как будто ожили в реальном бытии художника и ученого. «Владыки нездешние» – это Учителя, реализующие в своей деятельности Великий закон Космоса об учительстве. «Сокровище ангелов» – метеорит из созвездия Орион, обладающий высокой космической энергией; осколок его был прислан Рериху на его парижский банк. И, наконец, «Книга Голубиная», содержащая в себе знания по Мирозданию и космической эволюции, стала прообразом книг Живой Этики, в которых содержится философия космической реальности и система познания нового космического мышления. Живая Этика была создана Учителями в сотрудничестве с Еленой Ивановной Рерих. Все творчество Николая Константиновича Рериха было пронизано космическими идеями Живой Этики.

Почему именно нашим соотечественникам была поручена миссия доведения до России идеи нового космического мышления и новой системы познания? Дело в том, что в начале XX века талантливые русские ученые В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, К.Э. Циолковский, П.А. Флоренский, а также выдающиеся художники и философы стали пионерами нового подхода к исследованиям Мироздания и особенностей космической эволюции. Именно Россия, более чем любая другая страна, была готова к принятию «Книги Голубиной». Русские ученые обратились к Востоку и в первую очередь к индийской философии. «Под влиянием современной науки, – писал академик В.И. Вернадский, – новых областей знания, в первую голову, началось, может быть, в связи с этой неожиданной ее (индийской философии. – Л.Ш.) близостью к новым научным концепциям, после многовекового перерыва, возрождение философской работы в Индии на почве единой древней философии и мировой современной науки. Она оживает и возрождается – находится на подъеме, когда философия Запада все еще на ущербе»²⁹.

Через полвека академик А.Л. Яншин сказал: «И на основании литературных произведений, а отчасти на основе художественного творчества Н.К. Рерих должен быть причислен к той плеяде крупных ученых, которые еще до полета в Космос приближали время изучения Вселенной, изучения Земли из Космоса, то есть рядом с фамилиями К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, В.И. Вернадского, конечно, должна быть поставлена фамилия Н.К. Рериха»³⁰.

Н.К. Рерих. *Вест Шамбалы. Без даты*

²⁸ Рерих Н.К. Избранное. М., 1979. С. 158–159.

²⁹ Вернадский В.И. Размышления натуралиста: научная мысль как планетное явление. Кн. II. М., 1977. С. 75.

³⁰ Цит. по: Наука в Сибири. 10.XI.1984.

Вход в храм, где в 1923 г. состоялась встреча Е.И. и Н.К. Рерих с Учителем

Осмысливая связь идей Рериха с идеями ученых, формировавших новое – космическое – мышление, – мы должны помнить о тех, кто стоял за русским художником и ученым. «Благословен народ, – цитировал Н.К. Рерих слова индийского мыслителя Шри Васвани, – вожди которого следуют за мыслителями, мудрецами, провидцами. Благословен народ, получающий вдохновение от своих Риши. Риши преклоняются лишь перед Истиной, не перед обычаем, условностями или признанием толпы. Риши суть великие повстанцы человечества. Они низвергают наши Культы удобства. Они великие несогласители истории. Не косность, но Истина их завет. Нам нужны сейчас эти восставшие духом во всех

областях жизни – в религии, в государстве, в образовании, в общественной жизни»³¹.

Безусловно, для Рериха общение с Риши, Учителями и Мудрецами, было самым важным в индийском периоде его творчества: и научного, и художественного. Это общение определило культурно-историческую позицию Николая Константиновича, сделало ее ясной и действенной. Понимая все значение Индии для мировой культуры и особенно культуры России, он не ограничился исследованием лишь общности древних корней двух этих стран. Он как бы растворился в Индии, изучая ее народ, культуру, традиции, ее историю, которая привлекала его еще с молодых лет. По уровню своих знаний об этой стране

Н.К. Рерих. Владыки нездешние. Эскиз. 1907

³¹ Рерих Н. Твердыня Пламенная. Рига: Виеда, 1991. С. 176.

он вполне мог считаться не только историком, но и востоковедом, или вернее индологом. Уровень его подготовки и знаний мог соперничать с уровнем знаний канонизированных ученых. От последних его отличали также знания не только теоретические, но и практические, что в то время в европейской науке было редкостью.

Центрально-Азиатская экспедиция

В Дарджилинге, где состоялась встреча с Учителями, Рерих начал подготовку к Центрально-Азиатской экспедиции, задачи которой были детально обсуждены с Учителями. В экспедиции, которая стала крупнейшей в XX века,

Маршрут Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха

Н.К. Рерих. Субурган в Ташидинге. Серия «Сикким». 1924

участвовали, помимо экспедиционного состава, сам Николай Константинович, его жена Елена Ивановна и сын Юрий Николаевич, к тому времени ставший профессиональным востоковедом и лингвистом. Центрально-Азиатская экспедиция началась в 1924 году в Сиккиме, небольшом королевстве по соседству с Британской Индией, затем перебазировалась в индийское княжество Кашмир. Из Кашмира ее маршрут пролегал в Ладак, из Ладака через Каракорум она двинулась в китайский Синьцзян, в районе которого была пересечена граница с советской Средней Азией, и прибыла в Москву. Из Москвы путешественники отправились в Сибирь, откуда – на Алтай и через Бурятию вошли в Монголию, из которой попали в Тибет, из Тибета через неизвестные еще Трансгималаи двинулись на Сикким и оттуда прибыли в Дарджилинг. Экспедиция, длившаяся 4 года (1924–1928), совершила грандиозный круг, чего не сделала ни одна экспедиция XX века.

Почему был выбран такой маршрут? Ответ на этот вопрос можно получить, исследуя не только сам маршрут, но и исторические взгляды Рериха. Центрально-Азиатская экспедиция была самым важным, если не самым главным событием в жизни Рериха, ее кульминационным пунктом, где сошлись многие обстоятельства, сделавшие жизнь мыслителя и ученого столь необычной.

На сиккимском участке пути лежали старинные монастыри: Пемаянцзе, Ташидинг, Сангачелинг, Дублинг. Рерих подолгу беседовал с их настоятелями, встречался с ламами, отшельниками и мудрецами. Монастыри принадлежали секте красных шапок, высокие ламы которой считались хранителями древних тайных знаний. Легенды связывали источник этих знаний со священной Канченджангой, Горой пяти сокровищ. За легендами и мифами стояла неизвестная еще реальность. Но русский ученый и художник соприкоснулся с этой реальностью и отразил

Н.К. Режих. Тангла

Н.К. Рерих. Ладак. Монастырь Ламаюру. 1925–1926

ее в своих сиккимских полотнах. Реальность эта была похожа на легенду.

Окончательный маршрут Центрально-Азиатской экспедиции был разработан в Сиккиме. Николай Константинович и Елена Ивановна, общаясь с мудрецами и хранителями тайных знаний, сумели четко определить цели экспедиции. «Кроме художественных задач, — отметил впоследствии Рерих, — в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов. Эта последняя задача издавна была близка мне»³².

Весной 1925 года Рерихи прибыли в Кашмир. В Сринагаре они остановились в старом английском отеле «Недоу». Однако большую часть времени проводили в поездках по княжеству. Первые впечатления от Кашмира были яркими и незабываемыми. «Здесь и Мартанд, и Авантипур, связанные с расцветом деятельности Авантисвамина. Здесь множество развалин храмов шестого, седьмого, восьмого веков, в которых части

архитектуры поражают своим сходством с деталями романеска. Из буддийских памятников почти ничто не сохранилось в Кашмире, хотя здесь жили такие столпы старого буддизма, как Нагарджуна, Асвагоша, Ракхшита и многие другие... <...> Здесь и трон Соломона, и на той же вершине храм, основание которого было заложено сыном царя Ашоки»³³.

В Кашмире на пути экспедиции возникли первые препятствия. С большим трудом было получено разрешение отправиться в Ладак. Из Сринагара в Ле, главный город Ладака, вела старинная караванная дорога. По ней в конце августа 1925 года экспедиция вошла в Ладак. «Пройдя ледяные мосты над гремящею рекою, прошли как бы в иную страну. И народ честнее, и ручьи здоровые, и травы целебные, камни многоцветные. И в самом воздухе бодрость. Утром — крепкие заморозки. В полдень — ясный сухой жар. Скалы пурпурные и зеленоватые. Травы золотятся, как богатые ковры. И недра гор, и приречный ил, и целебные ароматные злаки — все готово принести дары. Здесь возможны большие решения»³⁴.

В отличие от мусульманского Кашмира, Ладак был буддийским городом. Здесь сохранилась основа древней традиционной культуры. Рерих зарисовывал и исследовал старинные крепости и монастыри, древние святилища и наскальные рисунки, неизвестные погребения и старинную одежду. Ле стоял на пересечении древних караванных путей. Сюда стекалась странствующая, кочевавшая и торговавшая Азия. Караваны везли товары из Индии, Китая, Тибета, Афганистана. Приходили ламы в красных одеяниях. Они торговали тибетскими реликвиями и талисманами. Мелькали черные и голубые тюрбаны балтов, степенно прогуливались по узким улочкам города длиннородные аксакалы из Синьцзяна. Время от времени возникали странно и причудливо одетые хранители древних знаний. Отсюда вели пути в священную Лхасу и китайский Туркестан. Над городом сверкали вечные снега Каракорума. Осенью того же года экспедиционный караван покинул Ле и направился к белоснежному хребту.

За Каракорумом кончались Гималаи и начиналась громадная древняя равнина, опаленная и иссушенная по краям великими пустынями Азии. За двенадцать дней экспедиция прошла пять перевалов. На ее пути было все: обледеневшие отвесные скалы и метели на перевалах; горная болезнь и жестокий мороз, при котором стыли руки

и нельзя было ни рисовать, ни писать; тропы, усеянные костями погибших караванов; снегопады и пронизывающие ветры; сердечная недостаточность и лошади, срывающиеся в ледяные расселины. Когда прошли горы, в розовой мгле возникла великая пустыня Такла-Макан. На китайском пограничном пункте у путешественников проверили паспорта. Засыпанная песком дорога вела на Хотан. Экспедиционный караван шел по Великому шелковому пути. Пустыня дышала жаром. По дороге попадались войлочные юрты киргизов, глинобитные домики, мазары, грязные и пыльные поселки. Рерих расспрашивал о древних городах, буддийских храмах, некогда стоявших здесь, но никто ничего о них не знал. Седобородые аксакалы качали головами и вздыхали.

В Синьцзяне было беспокойно, ползли слухи о произволе, чинимом хотанским амбаном. К середине октября экспедиция подошла к Хотану. Пыльный, шумный город производил удручающее впечатление. Ничего подходящего для стоянки найти не удалось. Расположились в саду в самом центре города. Толпы любопытных бездельников, одетых в живописные лохмотья, осаждали прибывших. Они шумели, мешали отдыхать, не давали работать. Николай Константинович и Юрий Николаевич нанесли визит даотю, хотанскому губернатору. Во время визита

Н.К. Рерих. Каракиргизы. Без даты

³² Цит. по: Рерих Н.К. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. Рига: Виеда, 1992. С. 160.

³³ Там же. С. 168.

³⁴ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. Рига: Виеда, 1992. С. 93.

за их спинами стояли вооруженные охранники. Губернатор Ма, разыгрывая гостеприимного хозяина, вежливо улыбался и щурил узкие глаза. И было что-то двусмысленное и скользкое в этом губернаторском прищуре.

Через несколько дней власти не признали китайского паспорта Рерихов и потребовали паспорт царской России. Отобрали оружие, запретили вести научную работу и рисовать. Солдаты пришли с обыском. Экспедицию фактически арестовали. Потянулись томительные дни ожидания и бесполезных переговоров. Телеграммы, которые посылал Рерих, сообщая о бедственном положении экспедиции, возвращались обратно.

Наступила зима. Снег покрыл унылые окрестности Хотана. «Надо суметь уехать. Несмотря на морозы, надо ехать»³⁵, — записал Николай Константинович в своем дневнике. Они наняли верблюдов, нашли проводников. Но вырваться не удалось. Путешественники оказались пленниками тупого даотая и невежественного жестокого амбана. Нако-

нец, с большим трудом Рериху удалось найти надежного человека и отправить с ним письмо советскому консулу в Кашгар. «Уважаемый господин консул! — писал он, — Из прилагаемых телеграмм Вы увидите, что наша экспедиция, о которой Вы уже могли слышать, терпит притеснения со стороны китайских властей Хотана. Мы уверены, что во имя культурной цели экспедиции Вы не откажете в своем просвещенном содействии. Не найдете ли возможным известить соответственно власти в Урумчи, а также послать прилагаемые телеграммы через Москву»³⁶. Советский консул немедленно принял меры. Синьцзянский генерал-губернатор издал приказ об освобождении экспедиции. В конце января 1926 года экспедиция покинула Хотан и к февралю достигла стен Кашгара.

После Кашгара вновь началась пустыня. Мерный ход каравана убаюкивал, навевал свободные, широкие мысли. «Мы опять в пустыне. Опять вечерние пески, лиловые. Опять костры <...> На песке пестрые кошмы. Веселые языки пламени

красно и смело несутся к бесконечно длинным вечерним тучам»³⁷.

Дальнейший путь вел на север. Туда, где через пустыни и горы протянулась граница с Россией. Рерих много думал о предстоящей встрече с Родиной. Он не представлял себе, какой она стала: «Золотое, слегка притушенное солнце долго касалось зубцов дальних гор и ушло, оставив мягкий огневой столб. За этими горами русская земля. Сегодня песен нет. Поселок тих. За околицей на равнине — наши палатки. Сверху глядит Орион»³⁸.

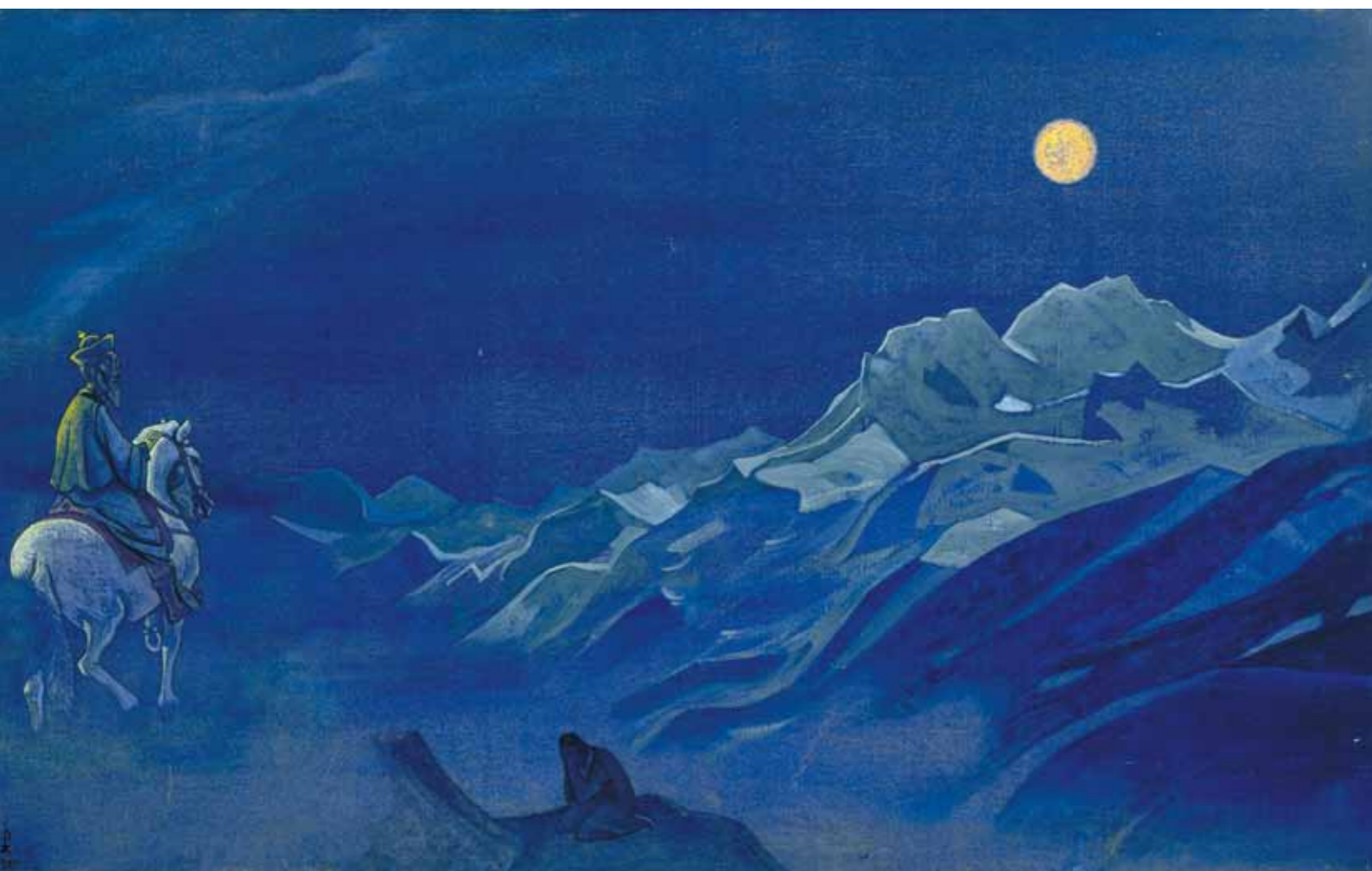
В Урумчи Рерих связался с советским консулом А. Быстровым. Вскоре пришло разрешение на въезд в Советскую Россию, подписанное наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным. Рерих оставил консулу на хранение свой дневник и завещание. Он не был уверен, что экспедиция благополучно дойдет до советской границы. В случае гибели экспедиции все ее имущество и картины переходили советскому правительству. Из Урумчи экспедицию провожали советский консул и его сотрудники. На дорогах снова было неспокойно. Время от времени на гребнях гор появлялись всадники. Они что-то высматривали, но к каравану не приближались. Экспедиция продвигалась осторожно, высылая вперед разведчиков. Нефритовые горы миновали благополучно. За ними появился Тар-Богатай. На последнем китайском пограничном посту путешественников досматривали особенно долго и придирчиво. Из-за этого пришлось заночевать на китайской стороне. Взошла луна и залила голубым светом окрестные горы. За ними, совсем близко, лежала граница родной страны.

А на следующий день: «Здравствуй, земля весенняя, в твоём новом уборе!»³⁹ Навстречу прибывшему каравану вышел вежливый и подтянутый начальник советской погранзаставы. Красные звезды горели на фуражках пограничников. 29 мая 1926 года Центрально-Азиатская экспедиция пересекла советскую границу в районе озера Зайсан. Первая встреча с людьми новой России ошеломила и обрадовала. «Приходят к нам вечером, до позднего часа толкуем о самых широких, о самых космических вопросах. Где же такая пограничная комендатура, где бы можно было говорить о космосе и о мировой эволюции?! Радостно. Настоятельно просят показать завтра картины и потолковать еще. На каком пограничном посту будут так говорить и так мыслить?»⁴⁰

13 июня 1926 года Рерихи прибыли в Москву. Николая Константиновича приняли наркомы иностранных дел и просвещения — Г.В. Чичерин и А.В. Луначарский. Оба проявили большой интерес к экспедиции, детально расспрашивали о пройденном пути, обещали поддержку. Из Москвы двинулись через всю страну к Алтаю. Летом 1926 года экспедиция прибыла туда. Староверческое село Верхний Уймон стало штаб-квартирой экспедиции. Рерихи поселились в доме В. Атаманова, который согласился стать проводником.

Члены экспедиции собирали минералы, интересовались целебными травами, обследовали древние курганы, любовались наскальными рисунками. Внимание художника неизменно привлекали белоснежная гора Белуха и легенды, связанные с нею. Легенды эти были таинственные и загадочные. В них сквозило что-то недосказанное и запретное. Отзвуки необычных событий, намеки на великих странников, слухи о тайных местах в горах и, наконец, рассказы о чудесной стране Беловодье — все это сплеталось в причудливые узоры народной фантазии и полузабытой реальности.

Рерих искал следы этой реальности, которые давали о себе знать самым неожиданным образом: «В светлице рядом на стене написана красная чаша. Откуда? У ворот сидит белый пес. Пришел с нами. Откуда? Белый Бурхан, конечно, он же Благословенный Будда. В области Аккема следы радиоактивности. Вода в Аккеме молочно-белая. Чистое беловодье. Через Аккем проходит пятидесятая широта»⁴¹. Кажется, что сведения, сообщенные Рерихом, носят отрывочный характер. Но знания, приобретенные художником в долгом путешествии, позволяют ему связывать воедино разрозненные факты. Староверческое Беловодье и буддийская Шамбала — источник один. Извечная мечта человека о стране справедливости. Алтайский Белый Бурхан напоминает индийского Будду. Может быть, Будда когда-то проходил по Алтаю? Ведь Алтай и Гималаи — единая горная система. Бесконечны ходы неизведанных пещер. «От Тибета через Куэнь-Лунь, через Алтын-таг, через Турфан; “длинное ухо” знает о тайных ходах. Сколько людей спаслись в этих ходах и пещерах! И явь стала сказкой. Так же как черный аконит Гималаев превратился в Жар-цвет»⁴². Несколько позже Рерих записал: «О снеговых вершинах Белухи свиде-

Н.К. Рерих. Ойрот — вестник Белого Бурхана. 1924

³⁷ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. С. 167.

³⁸ Там же. С. 195.

³⁹ Там же. С. 267.

⁴⁰ Там же. С. 268.

⁴¹ Там же. С. 290.

⁴² Там же. С. 280–281.

Н.К. Рерих. Великий Всадник. 1927

Н.К. Рерих. Богдо-Ула (Вход в Ургу). 1927

тельствуют снега Гималаев»⁴³. Так возникал замысел книги о Центрально-Азиатской экспедиции «Алтай – Гималаи».

19 августа 1926 года экспедиция двинулась через Бийск на Улан-Удэ, оттуда в Монголию. Урга, столица Монголии, стояла на равнине, окруженной горами. Сверкали золоченые крыши буддийских храмов. По площади города скакали всадники революционной армии. Марширующие отряды пели строевую песню: «Чанг Шамбалин Дайн. Северной Шамбалы война. Умрем в этой войне, чтобы родиться вновь витязями Владыки Шамбалы». Рерих узнал, что эту песню написал вождь монгольской революции Сухэ-Батор. В этой песне древняя легенда наполнялась революционным динамизмом – сверкнула еще одна грань реальности.

Художник подарил правительству новой Монголии свою картину «Великий Всадник». Полотно напоминает жизнь Монголии, в которой слились воедино традиционное и новое: в алых облаках по небу мчит всадник на красном коне. Всадник трубит в раковину, и лицо его похоже на храмовую маску. Впереди него, как вестники Грядущего, летят красные птицы.

В Урге предстояло решить, каким путем идти на Тибет. Дороги из Монголии были ненадежны. В степях и горах пограничных районов на караваны нападали воинственные тибетские племена и шайки бродячих разбойников. Русские путешественники Пржевальский и Козлов шли из Урги на Тибет через горы Гурбун, Сайхан, Алашань. Теперь этот путь был закрыт. Оставалась караванная дорога на Юмбейсе-Аньси. Информация об этой дороге была крайне скупа, но иного пути не было. Перед выходом на Тибет предстояло пополнить состав экспедиции, набрать надежных проводников. Часть снаряжения Рерих получил из запасов, которые были оставлены в Урге экспедицией Козлова.

Пока шла подготовка к продолжению пути, Рерих налаживал связи с Лхасой. Загадочный и далекий город стоял за монгольскими степями, пустыней Гоби, гималайскими хребтами. Торговый караван повез письма из Урги в Лхасу. Ответ прибыл через три месяца. Центрально-Азиатской экспедиции Рериха разрешили войти в Тибет и посетить Лхасу. Но Рерих знал, что в священном городе ведут себя не всегда логично. Незадолго до этого в Лхасу не пропустили Козлова, имевшего личное приглашение далай-ламы.

⁴³ Рерих Н.К. Твердыня пламенная. С. 229.

Н.К. Рерих. Пустыня. 1938

В апреле 1927 года экспедиция покинула Ургу и направилась к реке Тола. С трудностями, но без особых приключений добрались до пустыни Гоби. Она не была похожа на Такла-Макан. В Гоби не было давящей беспощадности. Дорога, шедшая через Гоби, была пустынная. За все время пути они встретили несколько подозрительных всадников и китайский караван. За Аньси пополнили запасы продовольствия и двинулись к Цайдаму. У Шарагола экспедиционный лагерь смыло селевым потоком. Погибли некоторые коллекции и часть экспедиционного имущества.

За время дальнейшего пути происходили разные события, но одно из них запомнилось Рериху больше всех: однажды в лагере экспедиции появился всадник. «Его золототканое одеяние, новая желтая шапка с красными кистями были необыкновенны. Он быстро вошел в первую попавшуюся палатку, оказавшуюся палаткой доктора, и начал спешно говорить нам, что он друг,

что на перевале Нейджи нас ждут 50 враждебных всадников. Он советует идти осторожно и выслать передовые дозоры. Так же быстро, как вошел, он вышел и ускакал, не называя своего имени»⁴⁴.

Переход через Цайдам начался 19 августа 1927 года. Экспедиция продвигалась по короткому, еще не известному пути. Цайдам был покрыт соляными болотами. Пришлось идти по ненадежной соляной корке. Переход продолжался и ночью. Останавливаться было нельзя. И только на следующее утро вновь начались пески. Вдали синели горы, за которыми был Тибет. Экспедиция вошла на территорию племени голоков, не подчинявшихся ни китайскому губернатору, ни Лхасе. Голоки появились в первом же ущелье. Вестник в золототканом кафтане сказал правду. Экспедицию ждала засада. Караван остановился, дожидаясь, когда подтянутся идущие сзади. К противнику были направлены парламентареры.

Вид вооруженного каравана охладил пыл нападающих. С криками и гиканьем они исчезли в утреннем тумане.

Был уже сентябрь, и Тибет встретил экспедицию буранами и мокрым снегом. Караван поднялся на перевал Танг-ла. Оттуда открылся вид на Тибетское нагорье. От горизонта до горизонта тянулись снежные хребты, похожие на волны застывшего моря. Воздух был сухим и разреженным, когда экспедиция вошла в долину Шенди, где ее остановил отряд тибетских солдат.

Пришлось разбить незапланированный лагерь. На следующий день прибыл командир отряда, задержавшего караван. Он пересчитал экспедиционных верблюдов и лошадей и велел открыть ящики, где находился груз. Вслед за ним приехал важный чиновник от губернатора Нагчу, допросил Николая Константиновича и написал донесение в Лхасу. Экспедицию не пропустили ни в Лхасу, ни даже в Нагчу. Ее задержали и оставили в летних палатках на плато, похожем на арктическую тундру. Пологие, осыпающиеся горы окаймляли его по краям. Наступала зима. Пошли снега, и метели потянули по смерзшимся камням белые шлейфы. Рерих пытался связаться с Лхасой. Его посланцы уходили и больше не появлялись. Морозы доходили до шестидесяти градусов. В аптечке замерзал коньяк. Дули ураганные вет-

ры. Офицер зорко следил за тем, чтобы не было никаких контактов с редко проходящими караванами и запретил экспедиции покупать продовольствие у местных кочевников. Связь с миром прекратилась.

«Тибетское стояние» Центрально-Азиатской экспедиции продолжалось шесть страшных месяцев. Плато Чантанг находится на высоте 4–4,5 тыс. м над уровнем моря. Суровая зима на таких высотах губительна для людей и животных. Умерло несколько человек, погибли караванные животные, но основной состав экспедиции все-таки выжил в этих невероятно тяжелых условиях. Много лет спустя стало известно, кто обрек экспедицию на гибель и кто не хотел возвращения Рериха в Индию. Документы, найденные в архивах независимой Индии, свидетельствуют о происках ее колониальных властей и британской разведки.

И все-таки Рерих одержал трудную, почти невозможную победу над стихией и враждебным людским заговором. Экспедиция вырвалась из смертельных объятий морозного плато. Ее дальнейший путь пролегал по неисследованной области Трансгималаев. Центрально-Азиатская экспедиция вернулась в Индию, в Дарджилинг, в 1928 году. В конце этого года Рерихи поселились в Западных Гималаях, в долине Кулу.

Погибающий караван. Чантанг. [1927]

⁴⁴ Рерих Н.К. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. С. 196.

«Метод вех»

Центрально-Азиатская экспедиция по праву может претендовать на особое место среди экспедиций XIX и XX веков. Пожалуй, ни одна из известных нам экспедиций не была снабжена таким количеством первоклассного художественного материала, как экспедиция Рериха. Картины, написанные выдающимся художником как во время Центрально-Азиатской экспедиции, так и после нее, не были прямой иллюстрацией пройденного маршрута, какими обычно бывают экспедиционные зарисовки или фотографии. Рериховские полотна не только дополняли собранный экспедицией материал, но и являлись самостоятельной частью этого материала. Кистью Рериха водила не только рука художника, поддающегося свободному полету фантазии и прихотям вдохновения, но и точная рука ученого. И тот и другой слились в одном человеке: художник давал в картинах научную ин-

формацию, а ученый обладал художественным прозрением и интуицией.

Об одной из таких картин академик Окладников писал: «Что касается бронзового и железного веков, то картина Н.К. Рериха “Меч Гесера” археологически точно воспроизводит наскальный рисунок, послуживший прототипом для нее, и позволяет провести определенную датировку. Это характерный меч или кинжал эпохи плиточных могил. Такие кинжалы нередко встречаются за Байкалом и в Монголии на тех же оленных камнях, как важнейшее оружие древнего воина второй и первой половины первого тысячелетия до нашей эры»⁴⁵.

На картинах Рериха мы не найдем подробного и систематического отображения всех деталей пройденного пути. Скорее видим на них культурно-исторические моменты, или вехи, которые он считал важными для себя и привлекал к ним внимание других. Эти вехи шагали из картины в картину, образуя стройную, но загадочную це-

почку событий, мест, людей, памятников, сюжетов малоизвестных легенд и сказаний. Горы, написанные кистью великого мастера, составляли неотъемлемую часть многих полотен и как бы сами по себе тоже являлись вехой.

Этот странный и необычный «метод вех», которыми Рерих так оригинально метил Время и Пространство, явно присутствовал и в его экспедиционных дневниках. Именно по этой причине и «Алтай – Гималаи», и «Сердце Азии» не были похожи на путевые заметки и записи других путешественников. При первом взгляде они производили впечатление отрывочности и даже разбросанности. Воедино этот материал связывала авторская концепция, которая присутствовала в глубине его композиционной постройки.

Для анализа исторической концепции Рериха важное значение имеет ряд его высказываний, определяющих подход художника к исследованию культурно-исторического материала. «Никакой музей, – записал Рерих в одном из своих экспедиционных дневников, – никакая книга не дадут права изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их собственными глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность – это магическое качество творчества, необъяснимое словами – создается лишь наложением истинных впечатлений действительности. Горы везде горы, вода всюду вода, небо везде небо, люди везде люди. Но тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать»⁴⁶.

«Истинные впечатления действительности» лежали в основе всего творчества Рериха. Они уводили его от традиционных исторических схем, устоявшихся в науке многолетних предрассудков. «Главная наша задача, – писал он, – изучать факты честно. Мы должны почитать науку как истинное знание, без предпосылок, ханжества, суеверия, но с уважением и мужеством»⁴⁷. Путь отрицания существующих фактов и явлений Рерих справедливо считал самым неплодотворным в науке и видел в этом признак невежества. Такое научное невежество нередко преграждало путь открытию, а иногда и становлению целой области науки. «Все должно быть и выслушано, и принято. Безразлично, в какой одежде или в каком иероглифе принесется осколок знания»⁴⁸.

Маршрут Центрально-Азиатской экспедиции пролегал по землям древнейших культур Азии. Каждая из них уже представляла огромное поле для исследования. Рерих не углублялся в исследование конкретных особенностей отдельной культуры, а искал то, что связывало многие культуры во Времени и Пространстве. Он искал общее, а не частное, сходство, а не различие. Его интересовали широкие проблемы путей культурного взаимодействия различных народов, механизм преемственности в формировании многослойных традиционных культур и, наконец, поиск древнейших источников, создававших целые культурные общности. Иными словами, Рерих вел свои исследования в широких границах длительных и сложных процессов, создававших культурно-историческую общность человечества в целом. Вехи, которые он расставил в своих картинах и экспедиционных дневниках, были вехами этих процессов.

Рерих пометил своими вехами непреходящие элементы в культурной традиции тех народов, с которыми он имел дело на экспедиционном маршруте. Эти вехи не утратили своего значения и сейчас. Как не исчезли и не утратили своего значения старинные крепости и монастыри, древние святилища и легенды, изначальные земледельческие праздники и культ солнца.

В исторической концепции Рериха, где метод вех играл основную роль, важнейшее значение имело также соотношение временных категорий прошлого, настоящего и будущего. Эти категории, действуя в рамках непреходящего и преходящего в культурно-историческом процессе человечества, служили Рериху путеводной звездой в его длительном плавании по бурному океану человеческой истории. «Из древних чудесных ступеней сложите ступени грядущего»⁴⁹, – писал он в одной из своих работ. И еще: «Ведь и прошлое и будущее не только не исключают друг друга, но наоборот, лишь взаимоукрепляют. Как не оценить и не восхититься достижениями древних Культур! Чудесные камни сохранили вдохновенный иероглиф, всегда применимый, как всегда приложима Истина»⁵⁰. В экспедиционном дневнике Рерих отметил: «Вчерашнее “случайное” становится в линию движения эволюции. А сегодняшнее “важное” оказывается просто случайным пережитком»⁵¹.

Все эти высказывания подтверждают важное значение для Рериха «непреходящего», или дол-

Н.К. Рерих. Меч Гесера. 1932

⁴⁶ Рерих Н.К. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. С. 160.

⁴⁷ Рерих Н.К. Держава Света. Священный дозор. Рига: Виеда, 1992. С. 24.

⁴⁸ Рерих Н.К. Нерушимое. Рига: Виеда, 1991. С. 6.

⁴⁹ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. С. 589.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. С. 248.

годействующего, в развитии человеческой культуры, а также свидетельствуют об уровне исторического обзора самого ученого. Среди прочих уровней, с которых можно рассматривать и исследовать историю человечества, Рерих выбрал уровень культурно-исторической эволюции. Каждый уровень обзора имеет свое преимущество. Снижение уровня сужает обзор, но позволяет видеть конкретные детали и ограниченные во времени процессы. С борта космического корабля космонавт не замечает отдельных домов и деревьев на земной поверхности, но может наблюдать зарождение разрушительного тайфуна, невидимого с Земли. Такой космический обзор доступен не каждому. Нужна особая одаренность самого ученого. Рериху удалось сохранять высокий уровень обзора даже тогда, когда он спускался в область конкретной истории сегодняшнего дня. Он остро ощущал историческое время, видел закономерности, связывающие воедино прошлое, настоящее и будущее, и умел найти в этом потоке времени то, что было способно к дальнейшему развитию, то, что составляло «чудесные камни» человеческой культуры.

Устремленный в будущее, стараясь представить себе основные направления восхождения человечества в процессе эволюции, Рерих закономерно измерял прошлое и настоящее будущим. Эта мера, носящая для него концептуальный характер, присутствовала и в его вехах. «Можно знать прошлое, но сознание надо устремить в будущее»⁵², – писал ученый. И еще: «Когда зовем изучать прошлое, будем это делать лишь ради будущего»⁵³. Именно на этом будущем сверкал тот «вдохновенный иероглиф», которым он метил камни древних культур и культурных достижений, расставляя свои вехи.

«Вдохновенный иероглиф» будущего определил и маршрут Центрально-Азиатской экспедиции. Индия, Китай, советская Сибирь, Монголия, Тибет – страны, которые находились на разных ступенях развития, существовали в разных социально-экономических условиях, имели разные культурно-исторические комплексы. Но маршрут Центрально-Азиатской экспедиции как бы объединил их в одно целое. «Вдохновенный иероглиф» пометил своеобразным знаком качества камни их древних культур и подтвердил их пригодность для «ступеней грядущего». Материал, собранный экспедицией на территории этих стран, был осмыслен Рерихом-ученым с широкой

историко-философской точки зрения. Это обстоятельство определило научную уникальность Центрально-Азиатской экспедиции.

Как ученого и как художника Рериха волновал вопрос об общем источнике древних культур Индии и России. Он искал этот источник и обнаружил немало его следов. Это обстоятельство, в свою очередь, дало ему возможность шире посмотреть на проблемы культурной общности ряда народов. «Гигантские ступы буддизма – погребальные памятники, обнесенные оградой – те же курганы всех веков и народов. Курганы Упсалы в Швеции, русские курганы Волхова на пути к Новгороду, степные курганы скифов, обнесенные камнями, говорят легенду тех же торжественных сожжений, которые описал искусный арабский гость Ибн-Фадлан»⁵⁴. В развалинах древних индуистских храмов Кашмира Рерих увидел отчетливые следы романского стиля, связанного с поздними кочевниками-аланами. В красочных женских костюмах Ладака он обнаружил, что расшитая шелковая накидка напоминает византийскую, а высокие шапки похожи на шапки русских бояр. Ладакские металлические пряжки, укрепленные на правом плече, повторяли скандинавские фибулы. На базарах Кашгара Рерих увидел сундуки раннего Ренессанса, а в степях Джунгарии вновь вспомнил русскую старину. Его поразили костюм киргизских всадников. «Киргизы скачут на белых лошадях. На головах – стеганные цветные шишаки, точь-в-точь как древние куяки русских воинов. На макушке пучок перьев филина. На руке иногда сокол с колпачком на глазах. Получается группа, входящая и в XII и в XV века»⁵⁵.

Русское Средневековье смешивалось в степях Джунгарии со скифской древностью. И Рерих пришел к выводу, что сходства в культурах разных народов больше, чем различий. «И наш оптимизм, – отмечал он в связи с этим, – не является результатом далеких мечтаний, но есть результат изучения дюжины стран и широких подходов к различным народам, с совершенно различной психологией. И, в конце концов, несмотря на различия, они едины»⁵⁶.

Это единство объединяло не только страны Азии, но и различные континенты: Азию и Европу, Азию и Америку. В рериховской интерпретации путей развития «непреходящих» элементов культуры не оставалось места ни для европоцентризма, ни для извечного противопоставления За-

пада Востоку. Он поставил свою веху на динамичном мире ранних кочевников, которые переплели судьбы Востока и Запада и содействовали их усиленному культурному взаимодействию. Этот мир начал оформляться на рубеже первого и второго тысячелетий до нашей эры. Рерих нашел следы ранних кочевников в Гималаях, пустыне Гоби, Джунгарских степях, на Алтае. Ему были известны результаты раскопок в южнорусских степях, в Сибири и Монголии. В отличие от многих ученых того времени, считавших кочевников косными и отрицательно влиявшими на ход мировой истории, он отметил их важнейшую роль в этой истории. Культурное взаимодействие ранних кочевников с оседлыми странами, происходившее в противоречивых формах, тем не менее оказалось мощным творческим импульсом, создавшим новые качества культур, новые, необычные формы в искусстве, такие как известный всему миру скифский «звериный стиль».

Выделяя исторический динамизм как один из «непреходящих», долгодействующих, факторов в истории планеты, Рерих искал подтверждения этому в самых ранних исторических периодах. Поэтому его всегда влекли древние миграции народов как фактор широкого культурного взаимодействия. На этих миграциях он поставил свою очередную веху. Следы их в древности отмечали петроглифы, загадочные мегалиты, древние по-

гребения. На скалах Алтая, Монголии, Ладака, китая Тайского Туркестана были высечены круторогие горные козлы, лучники, пляшущие фигурки. Рерих протянул нить этих петроглифов до Скандинавии, Венгрии и даже Америки. Некоторые из них он датировал периодом неолита. Время показало, что он был прав.

Экспедиция открыла в Тибете неизвестные до этого мегалитические памятники. Они повторяли конструкцию и облик мегалитов Франции и Англии. Древние пути народов связывали Восток с Западом, Азию с Европой и Америкой.

«Вдохновенный иероглиф» рериховских вех был поставлен не только на памятниках материальной культуры. Фольклор, духовное наследие народов, был тоже отмечен ими. В богатейшем фольклорном наследии Азии Рерих обратил наше внимание на те легенды и сказания, где нашли свое отражение нравственные устремления народов к справедливости, к лучшему будущему, к торжеству добра над злом. Это были непреходящие темы фольклора. Рерих обогатил наши знания азиатского фольклора народными сказаниями о Майтрейе, будущем Будде – освободителе угнетенных и униженных, новыми версиями легенд о подвигах героя Гесэр-хана и, наконец, целым циклом малоизвестных сказаний о заповедной стране Шамбале, или Беловодье, где существует мудрое и справедливое

Н.К. Рерих. Знаки Гесэра. 1932

⁵² Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. С. 200.

⁵³ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. С. 59.

⁵⁴ Рерих Н.К. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. С. 148.

⁵⁵ Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. С. 240.

⁵⁶ Рерих Н.К. Шамбала. М., 2000. С. 195.

устройство жизни и где обитают учителя добра, носители знания, необходимого для лучшего будущего народов.

Коллективный опыт народа, нравственный и эстетический, заключенный в его фольклоре, в его культурных традициях, являлся, с точки зрения Рериха, одной из важных движущих сил на пути культурно-исторической эволюции человечества. Поэтому этот опыт нуждался в научном осмыслении, строгом выявлении реальности, стоящей за красочными, а иногда и просто фантастическими образами мифов, сказаний и легенд. «Так многое забытое должно быть вновь открыто и благожелательно истолковано языком современности»⁵⁷, — писал ученый.

Проникая в культурную традицию различных народов, осмысливая ее с точки зрения будущего, Рерих отметил ее взаимодействие с социальными и политическими моментами современной ему Азии. Он был одним из первых, кто выявил влияние этой культурной традиции на освободительное движение таких стран, как Монголия, Китай, Индия. Рерих обратил внимание на традиционные формы этого движения, на переплетение в нем культурных традиций прошлого и текущих социальных и политических целей. Такую веху, связанную с традиционной культурой, трудно переоценить.

На своих полотнах, в очерках и дневниках он представил целую плеяду блестящих мыслителей, великих духовных руководителей, деятельность которых оказала большое влияние на продвижение человечества по пути культурно-исторической эволюции.

Многие культурно-исторические вехи, поставленные Рерихом во время Центрально-Азиатской экспедиции и после нее, являлись сами по себе открытиями. Каждая из них несла и несет в себе большие возможности глубинных научных исследований, связанных с изучением Времени, Пространства и Человека. Диалектический метод, которым пользовался Рерих как историк, прогрессивные его устремления позволяют считать Николая Константиновича одним из крупнейших мыслителей и ученых нашего века. Он указал на ряд важных направлений в исторической науке, которые потом получили дальнейшее развитие. В определении этих направлений сыграли свою роль и рериховский дар научного предвидения, и его точная интуиция, и выношенная в течение всей жизни концепция, в основе которой лежала глубоко осознаваемая будущая солнечная действительность планеты.

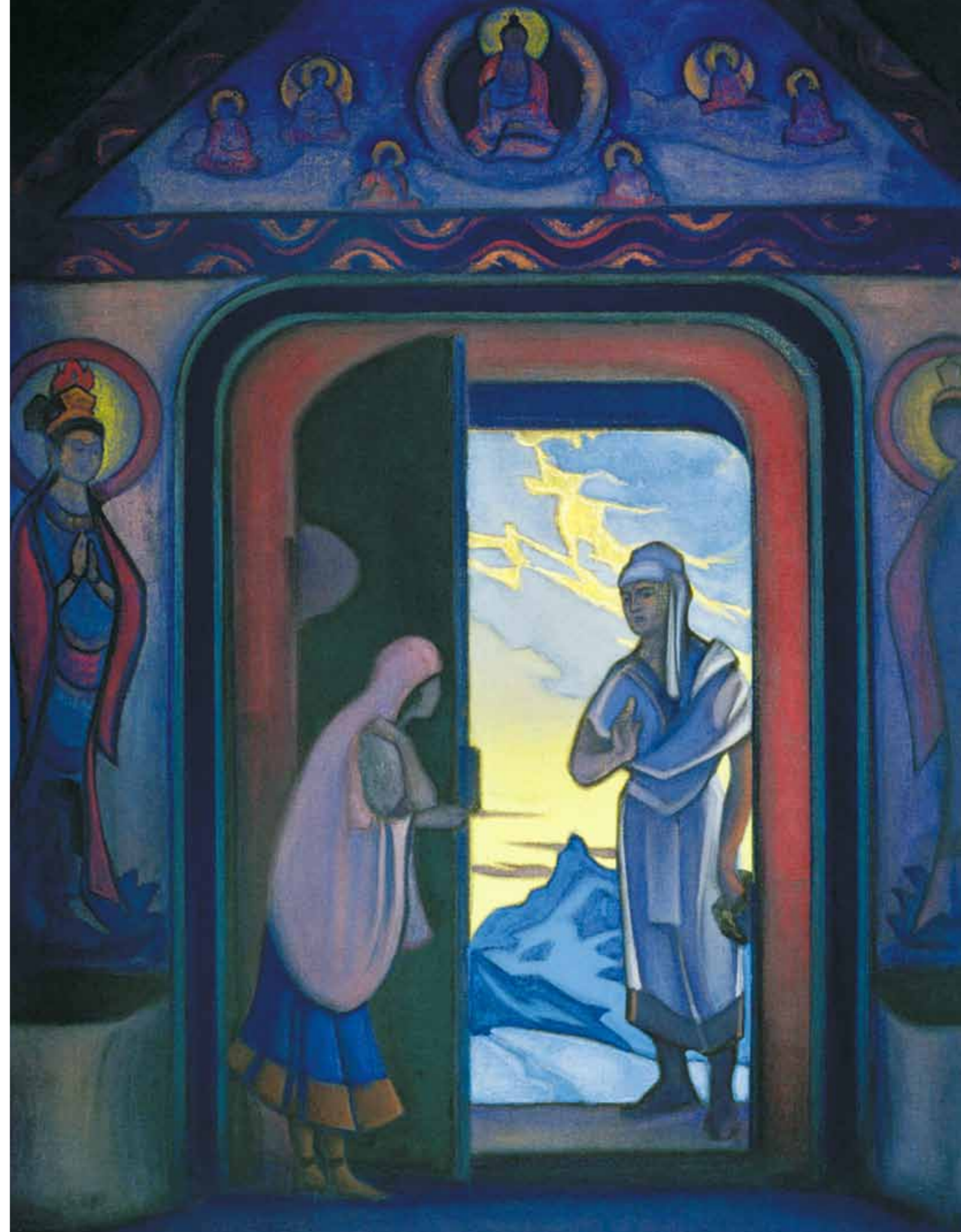
История «внутренняя и внешняя»

Описание Центрально-Азиатской экспедиции было бы неполным без упоминания еще одной вехи; не менее важной, чем предыдущие. С этой особенностью сталкиваешься буквально в первые же часы пребывания на маршруте рериховской экспедиции. Сталкиваешься с Красотой. Весь путь экспедиции был красив. Красота жила в скалах и сверкании горных снегов, в узорных листьях деревьев и голубизне горных рек, в прозрачности горного воздуха и зыбучих песках, в жемчужных туманах и разноцветье альпийских лугов. Она жила в людях, в их внешности, поступках.

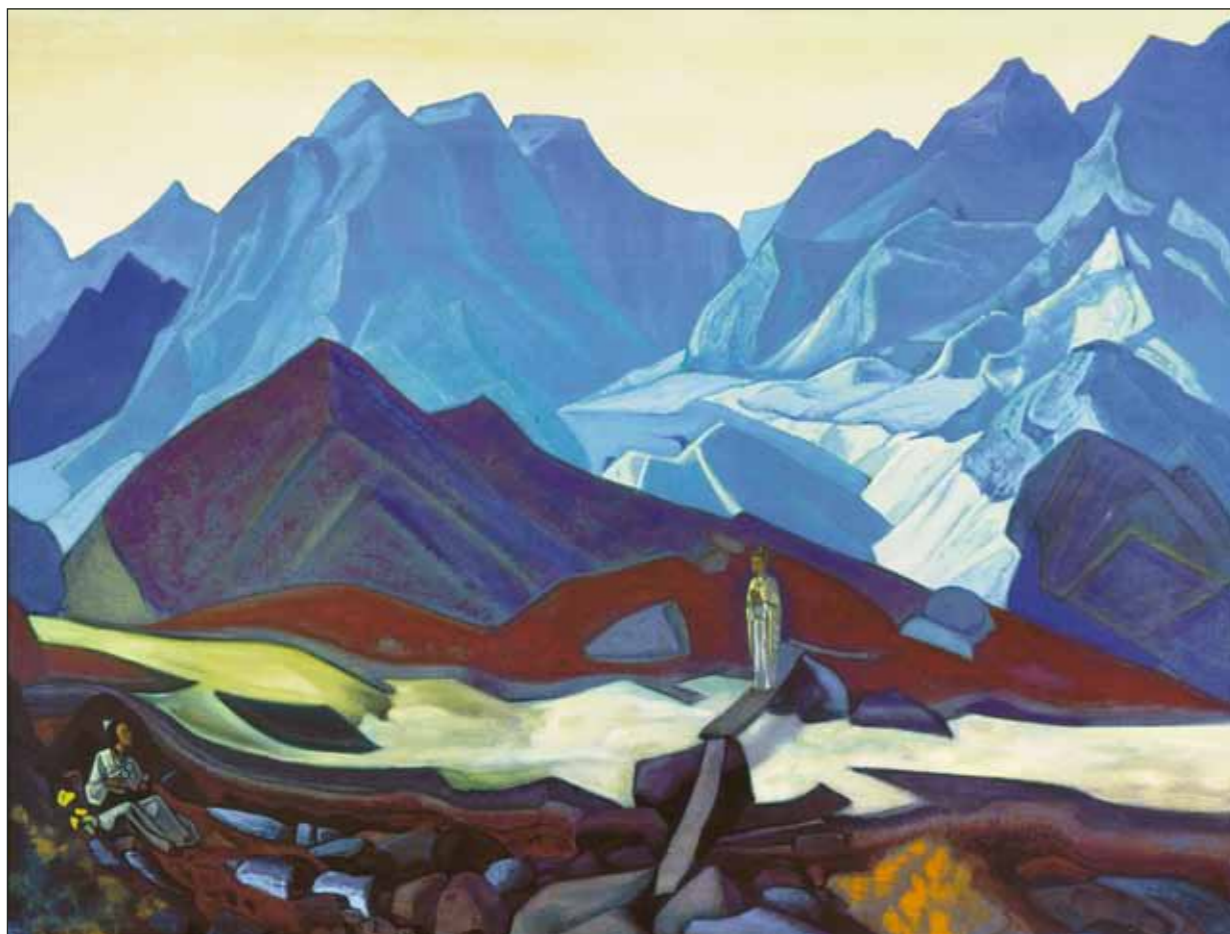
Это сочетание Красоты с большой буквы с исторической значимостью мест, по которым проходила экспедиция, поражало, заставляло задумываться и размышлять над ролью тех связей, которые существуют между природой планеты и историей обитающего на этой планете человечества. Мы еще не до конца осмыслили эти связи. Но в том, что они существуют, взаимодействуют и взаимовлияют, нет никакого сомнения.

Экспедиционные дневники Рериха не просто своеобразная научная литература, но и важный исторический источник. Николай Константинович не только наблюдал и изучал материал на маршруте, он, не ошибсь, участвовал непосредственно в историческом процессе и его формировании на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции. Историческая наука знает о субъектах истории и ее объектах. Субъекты творят историю. Таким творцом, будучи сам историком, являлся и Рерих. Эта малоизвестная и еще не осмысленная научно сторона деятельности была связана не только с его историческими взглядами или философией истории, которую он выработал в течение своей жизни, но с упомянутыми выше Учителями высоких знаний и расширенного сознания. Учитель вел Рерихов во время Центрально-Азиатской экспедиции, ибо кроме научных целей перед путешественниками стояла важнейшая эволюционная задача, которую они и должны были реализовать. До сих пор эта сторона деятельности Николая Константиновича и Елены Ивановны замалчивалась.

«Живя в Азии и встречаясь со скучной рутинной ежедневности, — писал Рерих в одном из экспедиционных дневников, — встречая трудности, и грубость, и обременительные заботы, вы не должны сомневаться, что в самую необычную минуту у двери вашей уже готов постучаться

⁵⁷ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. С. 65.

Н.К. Рерих. *Оттуда*. 1935–1936

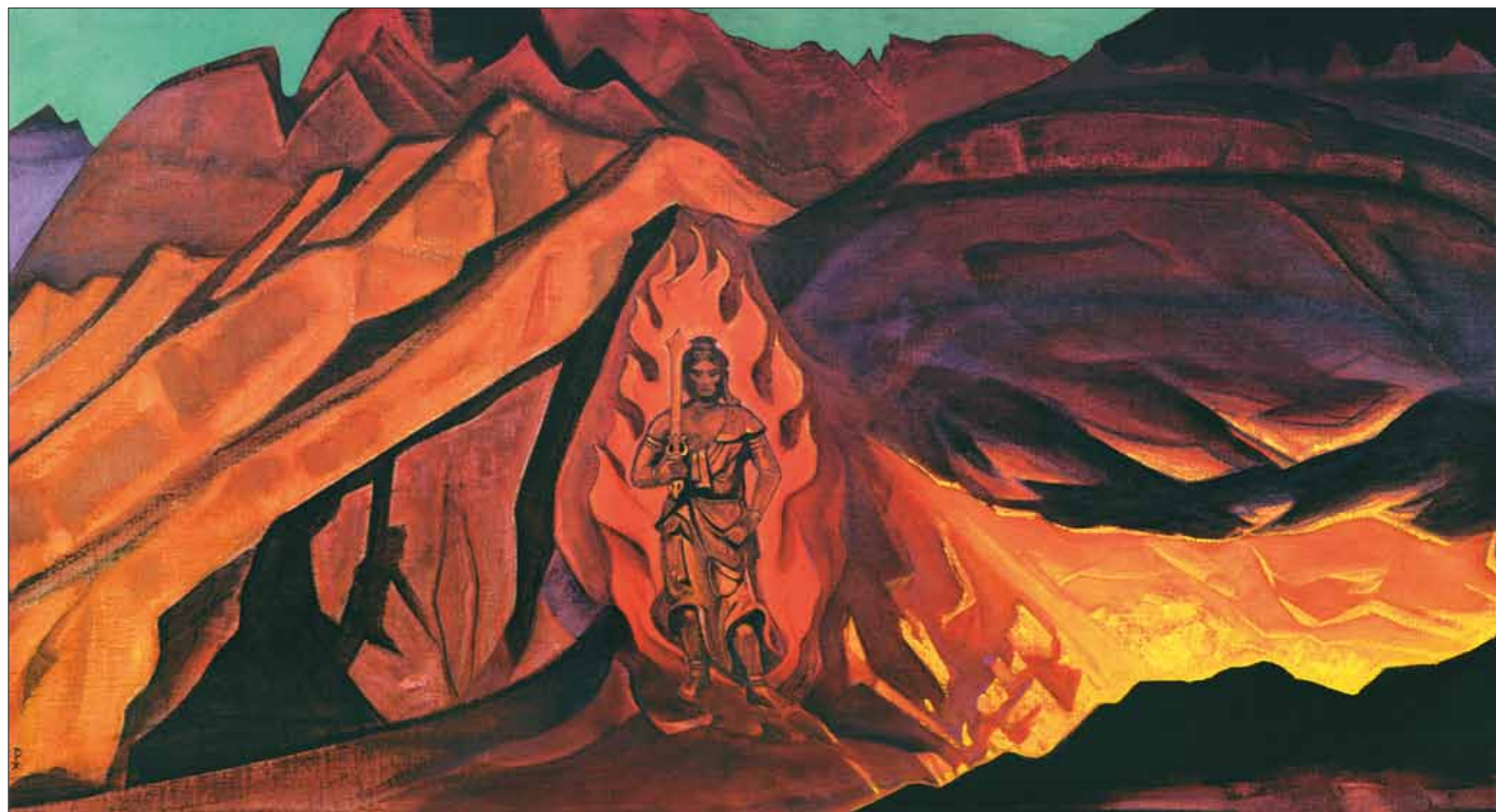
кто-то с самой великой вестью. Два потока жизни особенно различны в Азии, и потому пусть лик обыденности не разочаровывает вас. Легко вы можете быть вознаграждены зовом великой правды, который увлечет вас навсегда⁵⁸. Этот «Зов великой правды» Николай Константинович определил еще и так: «Помимо историков пишется другая история мира»⁵⁹. Иными словами, он считал, что на нашей планете есть история внешняя, хорошо видимая обычным глазом и доступная осмыслению свидетелей, а есть, «помимо историков», история внутренняя, незаметная для глаза обычного человека и не поддающаяся его осмыслению. Если говорить об истинном историческом исследовании, то оно должно было включать в себя и внутреннюю, и внешнюю историю, а также проблему их тесного взаимодействия. История же как традиционная наука занималась лишь ее внешними проявлениями. Рерих был первым, кто выработал новые подходы к истории. Значительная часть его творчества, незадолго до Центрально-Азиатской экспедиции, во время и после нее, была посвящена этой внутренней истории, «помимо историков». Основой этой внутренней истории, проявления которой оставались вне науки, являлась эволюционная деятельность Учителей, подтвержденная целым циклом легенд, сказаний и мифов, которые Рерих собрал на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции. Это были предания о мудрецах, волшебном камне и стране Шамбале, или Беловодье, в которой обитали эти мудрецы, постигшие тайны природы и владеющие законами Космоса. Особенно ярко эта тенденция проявилась в его художественном творчестве в Индии и во время экспедиции. Мы находим в нем новую духовную основу иной исторической реальности.

Миф как реальность

Проводя исследования богатейшего центрально-азиатского фольклора, Рерих стремился вскрыть ту реальность, которая стояла за преданиями и мифами. Изображая все это на полотне, он творил новую «Державу Рериха», таинственную и загадочную, прикрытую иногда цветным занавесом мифов и преданий, но вместе с тем вполне реальную и вполне постижимую. Он начал писать эти полотна в Дарджилинге в 1924 году и продолжал делать это всю свою жизнь. То был мир Тайны и Красоты, мир гор, поднимавшихся над землей снежными гигантами. Облака и жемчужные туманы плыли по их разломам и монолитам скал, меняли их очертания и придавали им странную, непостижимую хрупкость. Солнце расцветивало их рассветными и закатными красками, и они зажигались то пурпуром, то золотом, сигналили кому-то неведомому зелеными призрачными лучами, вспыхивали целой гаммой нездешних оттенков, блистали холодным огнем сказочных северных сияний. Ночами над ними вспыхивали яркие, колкие звезды и звездный свет сверкающими пылинками оседал на припущенных ночной темнотой снегах. Созвездия меняли свои очертания, и на небе возникали странные за-

гадочные узоры. Мир гор был величественен и космичен. Его вершины, устремленные вверх, казалось, выходили за границы планеты и становились частью того, еще неведомого, что определялось словом «космос».

И где-то там, скрытая этими снежными вершинами, лежала таинственная заповедная страна, которую называли Шамбалой. Оттуда спешили всадники в старинных одеждах. Ламы передавали друг другу вести. Лучники посылали стрелы с указами, написанными на желтоватых свитках пергамента. «Весть Шамбалы», «Послание Шамбалы», «Письмо Шамбалы». Длинноволосые, напоминающие древних амазонок девы охраняли заповедные границы. У тайного входа в красном холодном пламени стоял страж с обоюдоострым мечом. «Хранитель входа». Женщина в длинных белых одеждах выходила «Оттуда» и осторожно, боясь оступиться, шла по узкому мостку через поток, отделяющий заповедную границу от мира людей. В глубине пещеры находились фигуры, освещенные таинственным светом огромных сверкающих кристаллов. Пылала золотым огнем чаша в руках одного из изображенных. «Сокровище гор». Фигура человека, как будто возникающая из скал, окруженная лилово-синим, искрящимся сиянием высокой ауры. Картина называлась «Fiat Rex!» — «Да здравствует Король!». Из какого коро-

Н.К. Рерих. *Хранитель входа*. 1927 ▶

⁵⁸ Рерих Н.К. Гималаи – Обитель Света. Адамант. Самара, 1996. С. 82.

⁵⁹ Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. С. 286.

Н.К. Рерих. Держательница Мира (Камень несущая). 1933

левства он появился, этот Король? Наверное, все из того же – Заповедного.

«Держательница Мира» стоит у снежных гор, и золотой ободок ее княжеской короны сверкает на солнце. В руках у нее ларец, уже нам знакомый. Его нес на спине белый сказочный конь в сиккимской серии «Его страна» – «Чинтамани». Его держал в руках идущий впереди целой группы персонажей, появляющихся в ночной мгле из скалистого склона Эвереста. «Сожжение тьмы». Одно цеплялось за другое, все было связано в единое целое. В этих загадочных художественных произведениях смешивались предания и высокая Реальность, границы же между ними были неразличимы.

«С тех пор, – писал Рерих, – мы много где видели сказочную правду. В Срединной Азии, в Тибете, в Гималаях встречались врата в тридцатые царства. Высились нерукотворные великаны, и грозные, и ласковые, и зовущие. Складывал сказки хожалый, много выдавший путник. С караваном он когда-то пересекал Гоби и Цайдам и дивился самому белоснежному Ергору.

Сказание пришло из яви. Караванщики предупреждали: «Дальше не ходи!» Разве не о тридцатом царстве они предупреждали?.. Правда наиреальнейшая в том, чтобы без лукавых выдумок помнить и цветом и звуком о существующем»⁶⁰. Вот эти удивительно точные слова «и цветом и звуком» свидетельствуют о том, сколь много-сторонне и глубоко исследовал Рерих уникальное пространство «помимо историков».

Сведенные воедино, исследования давали необычную картину чьих-то действий, от которых зависела судьба экспедиции. Казалось, что рядом с экспедиционным маршрутом проходила какая-то тайная тропа, на которой и совершались эти действия. На ней возникали странные, неизвестные люди, включая и того, в золотом шитом кафтане, предупредившего Рерихов о готовящемся нападении на экспедицию. Они сообщали загадочные вести, совершали неожиданные поступки. Среди них были ламы, сказители и просто встречные путники. На каждом этапе маршрута, в каждой стране или области происходило нечто, что потом требовало и расшифровки, и осмыс-

ления. Записи в дневниках содержали немалое количество подобных фактов, и если их свести воедино, то получается уникальная картина внутренней истории самой Центрально-Азиатской экспедиции, так непохожей на историю внешнюю. Вот несколько примеров, которые можно почерпнуть из экспедиционных дневников Рериха.

Из письма секретарю Рериха В.А. Шибаеву (Кашмир): «Забота совершенно необыкновенная. Даже лошади для похода указаны (здесь очень трудно найти хороших и цельных). Уже дан дом в Лехе (вернее Лэ)»⁶¹. Другое письмо: «Из-за Си-Шаня сверкает великолепная Венера. Знаем, что на нее же любуетесь Вы в Гималаях. Знаем, откуда и через какую долину и поверх каких снеговых вершин смотрите Вы в часы вечера. Глядим на звезду, а слышим шум деодаров и все предночные голоса и звучания горные. Сколько зовов и знаний создано одною звездою. Небесные вехи настораживают и соединяют сердца. Те же звезды, те же знаки небесные наполняют сердца благоволением вне пространств и вре-

мен»⁶². Кашгар-Куча: «Сегодня приняты важные решения. Есть сообщение»⁶³. Монголия, Урга: «Много смятения и ожидания. Но все-таки не отложим отъезда. Е.И. напряженно стоит у притоки и говорит: “Жду, как разрешит все Тот, кто все разрешает”. А тут и телеграмма»⁶⁴. Монголия: «Среди дождей и грозы долетают самые неожиданные вести. Такое насыщение пространства поражает. Даже имеются вести о проходе здесь Учителя [Махатмы] сорок лет тому назад. <...> Двадцатого июля получены указания чрезвычайного значения. Трудновыполнимые, но приближающие следствия. Никто в караване еще не подозревает о ближайшей программе. На следующий день опять важные вести, и опять спутники не знают о них. Сверяйте эти числа с нашими событиями. <...> Конец июля. “Иду радостно в бой”. Lapis Exillis – Блуждающий Камень. Вчера буряты пророчествовали нечто сумрачное. Именно: “Посылаю лучшие токи для счастливого решения дел”. Предполагаем выступить через Цайдам к Тибету двадцатого августа. Отважмся

⁶¹ Рерих Н.К. Переписка с В.А. Шибаевым. Личный архив П.Ф. Беликова, Эстония. Достояние семьи Беликовых.

⁶² Рерих Н.К. Листы дневника. Т. I. С. 203.

⁶³ Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. С. 200.

⁶⁴ Там же. С. 293.

Н.К. Рерих. Сокровище гор. 1933

⁶⁰ Рерих Н.К. Зажигайте сердца. С. 191–192.

пересечь Цайдам по новому пути. К вечеру двадцать восьмого прискакал Ч. (В. Кардашевский. — Л.Ш.) с мечом и кольцом»⁶⁵. Тибет: «В другом месте экспедиция была в самом безвыходном положении. Можно было ждать чего-то необычного. В самый трудный момент пришло все разрешающее известие»⁶⁶.

Эти записи относятся к очень важному моменту в истории Центрально-Азиатской экспедиции: они напоминают о тех, с кем произошла памятная встреча около Дарджилинга в 1923 году. «Вы, может быть, спросите меня, — отмечал Рерих, — почему, говоря о Шамбале, я упоминаю Великих Махатм? Ваш вопрос может иметь основание, потому что до сих пор в литературе эти великие понятия, за недостатком осведомления, оставались совершенно разделенными. Но, зная литературу о Великих Махатмах и изучая сведения о Шамбале на местах, высоко поучительно видеть объединительные знаки этих понятий. И, наконец, понимать, как они близки в действительности»⁶⁷.

Связь подлинных Великих Душ с Заповедной страной не оставляла у Рериха никаких сомнений. Вот запись в экспедиционном дневнике: «Странно и дивно идти теми самыми местами, где проходили Махатмы. Здесь была основанная Ими школа. В двух днях пути от Сага-дзонга был один из Ашрамов, недалеко от Брампутры. Здесь останавливался Махатма, спеша по неотложному делу, и стояла здесь синяя скромная палатка. В то время когда в Европе спорят о существовании Махатм, когда индусы проникновенно молчаливы о Них, сколько людей в просторах Азии не только знают Махатм, не только видели Их, но и знают многие реальные случаи Их дел и появлений. Всегда жданные, неожиданно Махатмы творили в просторах Азии великую, особую жизнь. Когда нужно, Они появлялись. Если нужно, Они проходили незаметно, как обычные путники. Они не пишут на скалах имен Своих, но сердца знающих хранят эти имена крепче скал. Зачем подозревать сказку, воображение, вымысел, когда в реальных формах запечатлены сведения о Махатмах.

В спешке, в случайном любопытстве — не узнаете даже простого химического опыта. Те, кто в бездельном разговоре касаются вопроса о Махатмах, разве они достигнут что-либо? Разве их пустое любопытство будет удовле-

но? Сколько людей хотели бы получить письмо от Махатм, но разве оно изменило бы их жизнь? Оно вошло бы как минута изумления и смущения, а затем опять все вернулось бы к прежней рутине, без всякого следа.

Часто изумляются, почему люди, знающие Махатм, так различны по своему общественному положению? Но отчего Бёме был сапожником? Неужели размер сознания измеряется лишь внешними отличиями? Дела Махатм и поручения ученикам рассказаны в литературе, которая совсем не так мала, как кажется не знающим ее. Эти дела касаются как внутреннего сознания, так и внешних событий мирового значения. И проявляются тогда, когда нужно. Ученые часто называют разговоры о Махатмах предрассудком. Это те ученые, которые Махатм не видели. Но Крукс или Оливер Лодж не станут так говорить. Вивекананда, всегда стоявший за рациональность наблюдений, знает Махатм. <...> Они говорят о научных основах существования. Они направляют к овладению энергиями. Они говорят о тех победах труда, которые превратят жизнь в праздник. Все предлагаемое Ими не призрачно, не эфемерно, но реально и касается самого всестороннего изучения возможностей, предлагаемых нам жизнью. Без суеверий и предрассудков. Разве ученики Махатм делаются изуверами, сектантами? Наоборот, они становятся особо жизненными людьми, побеждая в жизни и лишь ненадолго удаляясь в те далекие горы, чтобы омыться в излучениях праны. В самых темных местах Тибета знают о Махатмах. Знают много воспоминаний и легенд»⁶⁸.

Запись из другого экспедиционного дневника: «Пройдя эти необычные нагорья Тибета с их магнитными волнами и световыми чудесами, прослушав свидетелей и будучи свидетелем, — вы знаете о Махатмах»⁶⁹.

Философия истории

Заповедная страна, по утверждению Рериха, имела точное географическое положение. «Некоторые указания, — отмечал он, — затемненные символами, указывают местоположение Шамбалы на Памире, Туркестане и Гоби»⁷⁰. Все эти места назывались потому, что около Шамбалы люди живут в юртах и занимаются скотоводством. «Но не забудем, — продолжал

⁶⁵ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. С. 299.

⁶⁶ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 3. М., 1996. С. 93.

⁶⁷ Рерих Н.К. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. С. 220.

⁶⁸ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. С. 317–318.

⁶⁹ Рерих Н.К. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. С. 246.

⁷⁰ Там же. С. 251.

Рерих, — что горные киргизы в местностях Куэ-луна также живут в юртах и занимаются скотоводством»⁷¹.

Куэлуна упоминался Рерихом не однажды в связи с теми ориентирами, которые имели отношение к Заповедной стране. Этот же хребет фигурировал и в рассказах алтайских староверов о хождениях в поисках Беловодья. Этот путь, географически расшифрованный Рерихом, был частью маршрута Центрально-Азиатской экспедиции.

«Географические указания места, — читаем мы в дневнике Рериха “Сердце Азии”, — умышленно запутаны или произнесены неправильно. И даже в этом неправильном произношении вы можете различить истинное географическое направление, и это направление, не удивляйтесь, опять ведет вас к Гималаям»⁷². Но Гималаи огромный горный район, похожий на лабиринт. Рерих расставлял по нему свои особые ориентиры, которые также совпадали с маршрутом экспедиции.

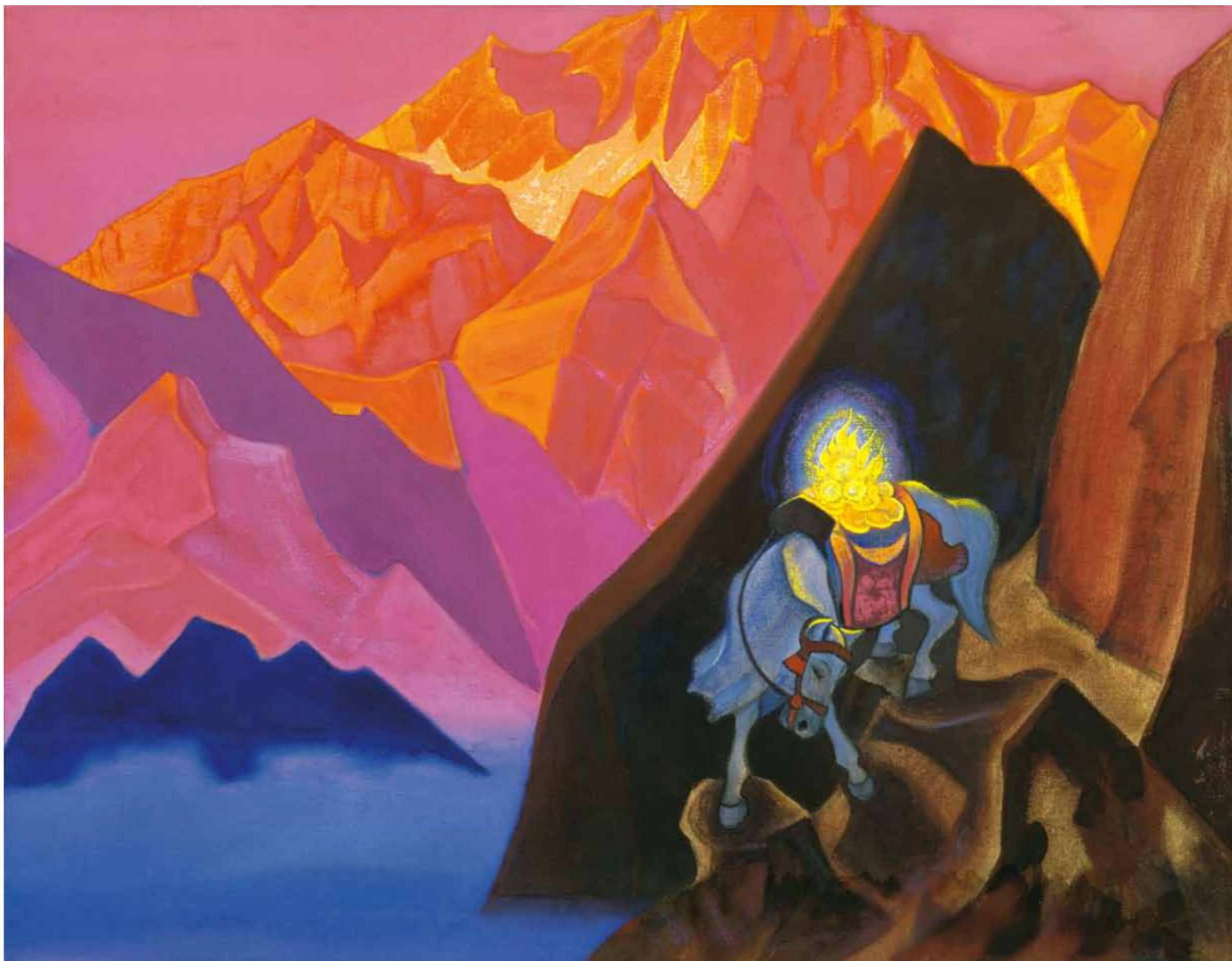
На этом маршруте Николай Константинович должен был вместе с Еленой Ивановной провести одно важное историческое действие. Случай редчайший, проявляющий себя один раз в несколько веков. Речь идет о закладке магнитов. Любой процесс, согласно исторической концепции Живой Этики, начинается не с действия низшего, а с творчества высшего и в силу этого носит космический характер. В данном случае магниты должны были быть заложены в местах формирования и расцвета новых культур. Процедура подтверждала, что культура сама по себе не развивается, а имеет толчок, инициированный высшей энергетикой, высшим разумом. Высшая космическая энергетика имеет свой ритм, который должен существовать в магните или в определенном пространственном теле, соприкосновение с которым вносит в определенное пространство такой ритм, который обуславливает формирование нового вида культуры.

Рерихи несли с собой магнит, или «Сокровище ангелов», — осколок метеорита с высокой космической энергетикой. Данное историческое, или, точнее, эволюционное, действие было самым важным на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции. Если внимательно проследить этот маршрут, можно предположить места закладки магнита.

Вне всякого сомнения, эта закладка магнитов имела отношение к внутренней истории планеты, или к истории «помимо историков». Основываясь на энергетическом мировоззрении и новой

⁷¹ Рерих Н.К. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. С. 251.

⁷² Там же. С. 236.

Н.К. Рерих. Чинтамани. 1935

системе познания космического мышления, создатели Живой Этики выступили как историки самого высшего уровня. Рерих был их учеником и сотрудником, и поэтому все его творчество, в том числе и научное, пронизано идеями реального Космоса, или Живой Этики. Замалчивание этого момента, что, к сожалению, происходит и до сих пор, не только искажает взгляды Рериха, как одного из выдающихся историков нашей планеты, но и крайне замедляет дальнейшее развитие истории как науки, где внешний и внутренний потоки должны слиться в синтезе, который и сформирует новые, еще неизвестные подходы к осмыслению исторического процесса.

Рерих первым сформировал реальную философию истории. Сколько времени потребуется, чтобы она вошла в научный оборот и стала основой новой исторической науки, сказать трудно. «И чтобы быть людьми в истинном значении этого слова, — писал Рерих, — мы должны развить в себе такое понимание глобальности всех событий, которое бы отражало суть и основу всей Вселенной»⁷³.

Создатели Живой Этики являются истинными материалистами, но осмысление ими этого понятия гораздо шире традиционного восприятия, которое мы видим в современной эмпирической науке. «Нужно до такой степени обосновать материализм, — пишет один из Учителей, — чтобы все научные достижения современности могли войти конструктивно в понятие материализма одухотворенного. Мы говорили о тонких телах, о магнитах, о свечении ауры, об излучении каждого предмета, о перемещении чувствительности, об изменении весомости, о проникновении одного слоя материи через другой, о посылках мысли через пространство, о явлении цементирования пространства, о чувстве центров, о понимании слова *материя*. Много невидимого, но осязаемого аппаратами нужно вместить тем, кто хочет приложить технику в жизнь. Нужно заменить идеальные слюны твердым разумом. Мы — Носители Духа — имеем право требовать уважения и познания материи»⁷⁴.

Эти слова являются не только ключом к пониманию сути самих Великих Душ, но и помогают осмыслить тот комплекс знаний и информации, которые содержатся в книгах Живой Этики. «Человек является источником знания и самым мощным претворителем космических сил»⁷⁵, — утверждает Живая Этика. Человек — часть космиче-

ской энергии, часть стихий, часть разума, часть высшей материи.

Основу исторических взглядов Рериха, выработанных с помощью концепции Живой Этики, составляло методологическое положение об историческом процессе как космическом явлении. На последнем базировалась и новая философия истории. И эта философия была запечатлена не только словесно или в определенных исторических действиях, но и в художественных образах на полотнах великого художника и выдающегося историка. Космическую философию истории Рерих сформулировал кратко: «Лучшие умы, — писал он, — обращаются к факторам взаимодействия космических сил с судьбами земных народов»⁷⁶.

Осмыслить, что такое исторический процесс во всем его многообразии и богатстве, значит понять и правильно оценить закономерности и особенности развития человечества в прошлом, осознать цели этого развития в настоящем и познать основные направления будущего.

Рерих сумел выделить основные моменты истории человечества, такие как переселения народов — в этих передвижениях он уловил ритм Космической эволюции и увидел бурный энергетический обмен, созидание новой энергии, необходимой для дальнейшего восхождения. Древние земледельческие цивилизации умирали, израсходовав свою энергию. Динамичный кочевой мир принес в мир новую свежую кровь, вдохнул в него необходимые ему силы. Нечто подобное происходило и в XX веке, когда сдвинулись со своих насиженных мест, используя современные средства коммуникаций, массы народа в бессознательной жажде усиленного энергообмена, необходимого для дальнейшего эволюционного развития.

Если Космическая эволюция, бесконечная в пространстве Беспредельности, представляет собой бушующий, меняющийся океан энергий, то исторический процесс имеет свое начало и свой исчерпывающий себя конец, ограниченный видом и состоянием материи, в рамках которой он происходит. Концепция исторического процесса как космического явления дает нам возможность объяснить закладывание магнитов, в котором участвовали Николай Константинович и Елена Ивановна Рерих.

Закладывание магнитов не есть особенность только XX века. На нашей планете такие действия производились регулярно и определяли фор-

мирование земного исторического процесса. Магниты закладывались в преддверии переломных моментов эволюции и истории человечества. «Магнит или остается невидимым, притягивая течение событий; или служит центром сознательного действия; или озаряет нашедшего его человека. Можно видеть в истории человечества, как сеть магнитов подобно путеводным огням вспыхивала. Как же работает Магнит? Он претворяет идеи пространства в действие»⁷⁷. Вот это претворение «идей пространства в действие» и наполняет сам исторический процесс Космическим содержанием.

Пользуясь новой методологией исторического процесса, Рерих создал немало художественных и научных сюжетов, которые прояснили сложные исторические проблемы и сделали их не только теоретическими, но и практическими, что несло в себе историческую действительность, которую требовали от истинного

историка Учителя. Понимая, какие космоэнергетические явления лежат в основе исторического процесса, Рерих находил правильные пути решения практических проблем, многие из которых были нацелены в будущее. Его увлекал в значительной мере именно внутренний исторический процесс, его духовная наполненность, причинная суть. Будущее было критерием исторических действий.

Рерих не только мыслил о будущем, но и ощущал и предвидел в самом историческом процессе те моменты, которые укрепляли это будущее. Эти моменты он видел в прошлом и обращал на них главное внимание. Из этого прошлого он как бы выбирал те «кирпичики», которые можно было заложить в будущее строение. Эта удивительная и необычная его способность сделала из него выдающегося и уникального историка.

Занимаясь проблемой роли личности в истории, он подходил к ней совсем по-иному, неже-

⁷⁷ Листы Сада Мории. Кн. 2, Озарение, ч. 3, II, 7.

Н.К. Рерих. Армагеддон. 1940

⁷³ Цит. по: Мантатов В.В. Великий гуманист // Наука в СССР. №2, 1986. С. 101.

⁷⁴ Община (Рига), 123.

⁷⁵ Мир Огненный, ч. III, 306.

⁷⁶ Рерих Н.К. Держава Света. Священный дозор. С. 57.

ли традиционные историки. Среди исторических личностей он выбирал и отличал те, чья деятельность и творчество опережали свое время и результаты исследований которых продолжали действовать и в будущем. Эти личности не всегда принимали в расчет социально-экономическую обстановку. Они действовали как бы «поверх» нее, их вели не земные обстоятельства, а нечто другое, связанное с тем, что не было ясно окружающим их людям.

Среди исторических личностей Рерих отмечал Сергия Радонежского, индийского императора Акбара, французскую героиню Жанну д'Арк, чьи исторические роли не только повлияли на их сов-

ременность, но и продолжали действовать во времени. Рерих уделил значительное внимание роли сознания в историческом процессе. От уровня сознания зависели многие события прошлого и настоящего. Опыт прошлого свидетельствовал, что многие исторические события могли бы развиваться по-иному и иметь другой результат, если бы сознание их участников соответствовало тем целям, которые стояли перед определенными движениями, революциями, социальными взрывами. «...Многое требует, — читаем мы в Живой Этике, — подготовки сознания, которое совершается длительно. Поэтому Мы так приушаем к терпению и бережности»⁷⁸.

Рерих немало сделал для того, чтобы подорвать позиции традиционного европоцентризма, который приносил значение истории и культуры Востока. В своих работах — и научных, и художественных — он проводил мысль о том, что культура и история Востока оказывали огромное влияние на мировую культуру и что последняя была бы совершенно другой, обедненной, если бы не это влияние.

Рерих не писал объемных монографий, связанных с его историческими исследованиями. Он вел экспедиционные дневники, писал очерки и художественно оформленные размышления. Он писал точно и кратко, и некоторые его высказывания стоят целых монографий, ибо подкреплены всегда убедительными научными аргументами. Его научные работы — это не только литература, но и уникальный исторический источник. Особо ценными его работами являются те, где он анализирует проблемы космической энергетики и ее влияния на формирование земного исторического процесса. Можно сказать, что Рерих заложил основы новой методологии исторического процесса, который составил важнейшую веху нового — космического — мышления.

Исторические пророчества

Внутриисторическое духовное пространство является источником прогнозов для будущего. Если

Н.К. Рерих. *Весть Тифону*. 1940

мы внимательно просмотрим труды Рериха, то найдем в них немало пророчеств общего и частного характера. Ни Рерих, ни его Учителя не занимались разведывательной деятельностью, но за довольно долгое время они знали дату нападения Германии на Советский Союз: она присутствует в одном из очерков Рериха. Следующая серия пророческих картин была создана Рерихом незадолго до Второй мировой войны.

В 1936 году Рерих пишет картину «Армагеддон». Объятые пламенем башни и стены старинного города. Красно-оранжевые клубы дыма плывут над людьми, уходящими из этого раскаленного ада. Их фигуры, похожие на черные скорбные тени, резко выделяются на фоне бушующего пожара. Идут старики, опирающиеся на палки, женщины несут жалкий скраб, бредут полуослепшие дети. Картина как бы безмолвно кричала. Художник повторил этот сюжет в 1940 и 1941 годах. К сожалению, «Армагеддон» Рериха стал страшной реальностью Второй мировой войны. «Планета больна!»⁷⁹ — писал художник. Он хорошо понимал, какая опасность грозит его

Родине, которую он любил и которой оставался верен во время своих зарубежных путешествий.

В 1936 году Рерих писал: «Защита Родины есть оборона культуры. Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах — мы будем оборонять. Не найдет-ся такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине. И не только в праздничный день, но и в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о Родине, о ее счастье, о ее преуспевании всенародном. Через все и поверх всего найдем строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить ее на всех ее путях»⁸⁰.

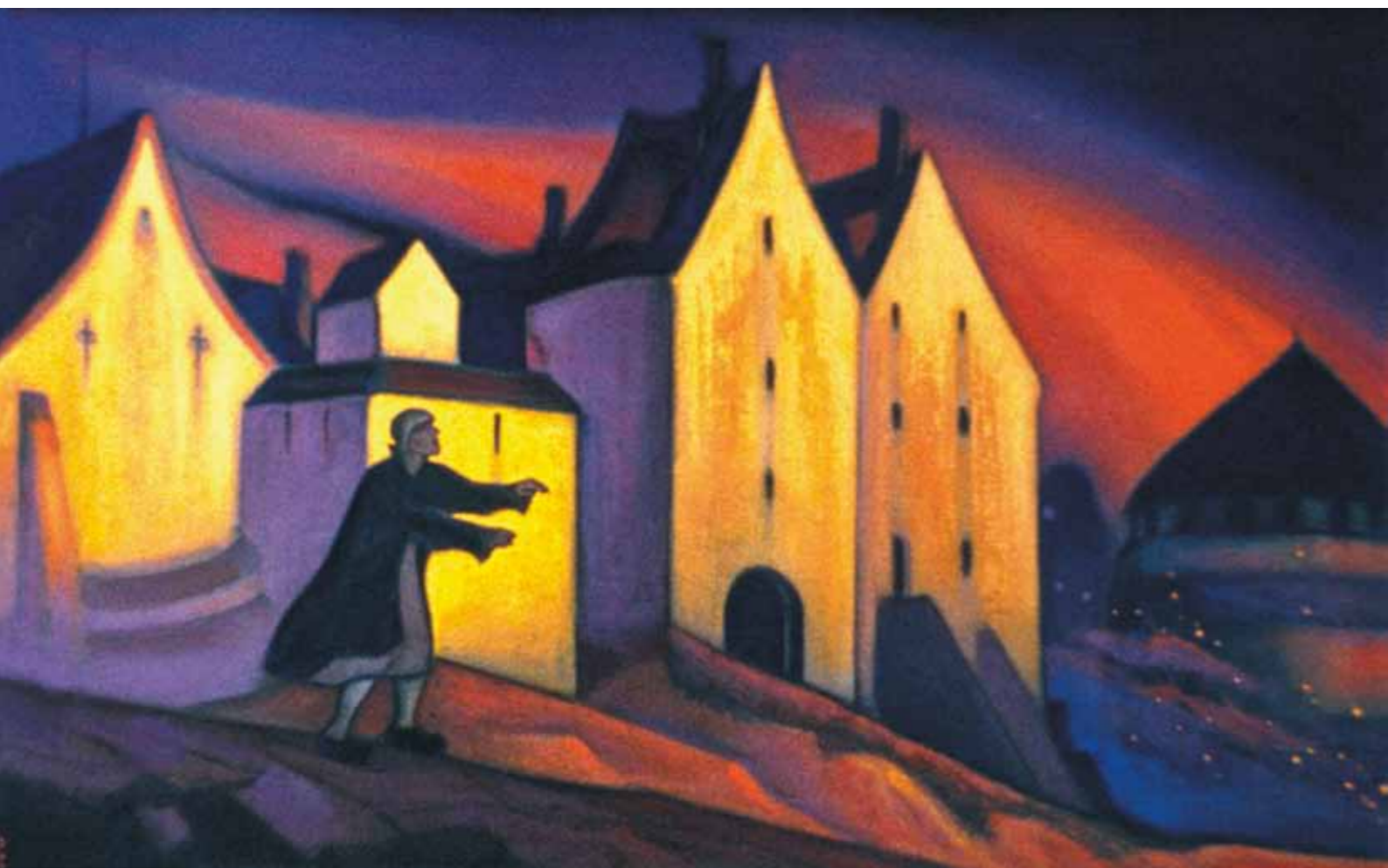
В 1938 году Рерих создал картины «Тревога» и «Тьма». В начале 1939 года появились «Затмение», «Печаль», «Башня ужаса». Рерих пишет свою «Тревогу» несколько раз: в 1938, 1939, 1940 годах. Тревога, тревога, тревога! И сам тоже тревожился. Начавшаяся война окончательно

Н.К. Рерих. *Святогор*. 1938

⁷⁸ Мир Огненный, ч. II, 466.

⁷⁹ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 2. С. 297.

⁸⁰ Рерих Н.К. Нерушимое. С. 213.

Н.К. Рерих. Слепой. 1941

отрезала его от Родины. «Сейчас мы как на острове, — сообщал он. — С каждым днем отрезанность все возрастает. Еще год назад была переписка, была осведомленность, а теперь все как вихрем выдуло»⁸¹.

Катастрофа надвигалась на весь мир, но самая жестокая судьба была уготована России. Тема России, отесняя Гималаи, начинает набирать силу на полотнах художника. Возникают «Древний Новгород» и «Древний Псков». Темнеют рубленые стены «Сергиевой пустыни», радуется «Ярослав Мудрый» граду Киеву. Поднимается над клубящимися облаками, достигая шлемом снежных вершин, «Святогор».

Время неумолимо приближало роковую дату. Рерих назвал 1940 год «со-роковым». Приставка «со» распространила слово «роковой» и на следующий, 1941-й, Рерих пишет очерк «Не замай!»: «Пройдя историю русскую до самых последних времен, можно было еще более утвердиться в этом грозном предупреждении. Оно звучало особен-

но наряду с трогательными русскими желаниями помогать многим странам самоотверженно. И теперь то же самое давнее утверждение встает ярко»⁸². Очерк завершают знаменательные слова, в которых была не только вера в то, что Родина выстоит в беде, но и знание Того, что ей предстоит.

В 1940 году Рерих пишет картину-предупреждение «Весть Тирону», которая имела прямое отношение к России и идущей в мире войне. Художник напоминал о Федоре Тироне, одном из первых христиан, жившем во времена римского императора Диоклетиана, известного своими гонениями на христиан. Тирона предупреждали о грозившей ему беде, но он не поверил и вместе со своими единомышленниками был схвачен и замучен римскими легионерами. Это нежелание верить в очевидное, сыгравшее роковую роль, повторилось и в истории XX века.

Картины Рериха производили на зрителей странное и загадочное впечатление. Но когда война закончилась, стало ясно, что он писал ее исто-

рию, слагавшуюся на кровавых полях сражений в России. Поднимаются из глубины пещеры закованные в латы воины — «Богатыри проснулись». По снежному ледовому полю едет на вороном коне в красном плаще «Александр Невский». Зловеще чернеют на голубом снегу латы поверженных немецких рыцарей. Но в фигуре Александра Невского нет самолюбивой гордости победителя. Князь серьезен и печален. Он скорбит о тех, кто пал под его знаменами. Потери велики.

В июле 1940 года Рерих записал: «Лежит передо мною «Слово о полку Игореве», отлично украшенное палехским мастером. Само «Слово» как бы горестное, но оно лишь напоминает, как из беды встанет народ и неустанно начнет строение»⁸³.

«Конечно, малы земные горизонты, — писал он. — Величайшее космическое событие дойдет к нам через тысячи лет»⁸⁴. Он умел выходить за «малые земные горизонты» и видеть, и ощущать, как сжимаются и ускоряются космические сроки. Его расширенному сознанию было доступно то, чего не могли воспринять люди с обычным сознанием.

Наступало грозное и беспощадное время. Оно ложилось на его плечи горьким и тяжелым бременем Знания. «Прошел сороковой год, труден и наступающий. Пошлем всем друзьям привет на трудных дорогах»⁸⁵, — писал он 1 января 1941 года.

К весне 1941 года напряжение усилилось. «Вероятно, сгущаются опять события, — отмечал Рерих, — и люди как заклинания твердят о том понятии, где нет убийства. Не сегодня так завтра услышим тяжелый войсковой шаг. Может быть, он уже гремит. Радио у нас нет»⁸⁶. Шел март 1941 года. Радио у Рерихов действительно не было, но через иные каналы они были осведомлены о том, что Родина к войне не готова и никаким предупреждениям о нападении Германии не верит. Весну 1941 года он назвал «особой». Картины этого года были связаны с наступающими событиями. Полуобнаженный человек вздымает молот над наковальней. «Ковка меча». На фоне кроваво-багрового неба защитник «Гесэр-хан» натягивает лук. Сейчас сорвется стрела. Зловещая красная комета, предвестница бед и несчастий, прорезает темный небосвод.

Как последний, отчаянный шаг — полотно «Слепой». Слепой мечется среди домов, не понимая, что происходит. Над городом стоит зарево пожара. Сейчас огонь перебросится на те дома, около которых он оказался. Вокруг никого нет.

Человек протягивает руки и встречает пустоту. Уже сыплются искры на освещенные ближним пламенем дома. И недоуменно глядит Тирон на стрелу со знаком войны. Тревога, тревога, тревога. Набат гудит совсем близко. Но слепой не хочет открыть глаза, а Тирон не хочет верить.

«Свет Утренней звезды»

Вскоре после Центрально-Азиатской экспедиции Рерих вместе с семьей совершил второе историческое действие, непосредственно связанное с формированием нового — космического — мышления. Мысли о новой науке, которые мы находим в Живой Этике, в 1928 году обрели форму Института Гималайских исследований, названного «Урусвати», что по-русски означает «Свет Утренней звезды».

«Знание превыше всего, — сказано в одной из книг Живой Этики. — Каждый, кто принес частицу знания, уже есть благодетель человечества. Каждый, собравший искры знания, будет подателем Света. Научимся оберегать каждый шаг научного познания. Пренебрежение к науке есть погружение во тьму»⁸⁷.

«Урусвати» был первым драгоценным зерном той новой науки, о которой писала Живая Этика и говорили Учителя. Воплощая их идеи в жизнь, Рерихи ясно представляли себе, для чего и во имя чего все это делается. Космическое мышление, новая система познания — все это составляло единое целое, новый виток космической эволюции. Местом для Института была выбрана долина Кулу в Индийских Гималаях. «Место Института, — отмечал Рерих, — в древней долине Кулу, или Кулуте, тоже было удачно. В этих местах жили риши и мудрецы Индии. Многие легендарные и исторические события связаны с этими нагорьями. Тут проходил Будда и в свое время процветали десятки буддийских монастырей. Здесь находятся развалины дворцов Пандавов, пещера Арджуны, здесь собирал «Махабхарату» риши Виаса. Здесь и Виасакунд — место исполнения желаний»⁸⁸.

В древности для строительства храма опытный и знающий жрец, умевший хорошо ориентироваться в тонкой энергетике, выбирал особое место. Как правило, место для храма бывает красивым. Исключительно красива и долина Кулу. «Когда вы видите минеральные краски гор, когда исследуете огромные гейзеры, полные раз-

⁸³ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 199.

⁸⁴ Рерих Н.К. Россия. С. 55.

⁸⁵ Рерих Н.К. Полотна жизни. Личный архив П.Ф. Беликова, Эстония. Достояние семьи Беликовых.

⁸⁶ Рерих Н.К. О Великой Отечественной войне. М.: МЦР, 1994. С. 21–22.

⁸⁷ Аум, 440.

⁸⁸ Рерих Н.К. Урусвати. М., 1993. С. 77.

⁸¹ Рерих Н.К. Россия. М., 1992. С. 48.

⁸² Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974. С. 196.

личных минеральных солей, когда вы видите все типы горячих источников, вы понимаете характер изобилия этой части мира, которая еще не тронута и являлась свидетельницей столь многих космических катаклизмов. Это и есть такое место. Это уникальное место для многих научных исследований. Здесь вы чувствуете праздник знаний и красоты»⁸⁹, – писал Рерих. И еще: «Если бы кто-нибудь задался целью исторически проследить всемирное устремление к Гималаям, то получилось бы необыкновенно знаменательное исследование. Действительно, если от нескольких тысяч лет тому назад просмотреть всю притягательную силу этих высот, то действительно можно понять, почему Гималаи имеют прозвище “несравненных”. Сколько незапамятных знаков соединено с этой горной страной! Даже в самые темные времена средневековья, даже удаленные страны мыслили о прекрасной Индии, которая кульминировалась в народных воображениях, конечно, сокровенно таинственными снеговыми великанами. Попробуем мысленно вообразить все те прекраснейшие легенды, которые могли зародиться только на Гималаях. При этом прежде всего будем поражены изумительным разнообразием этих наследий. Правда, это богатство произойдет от многих пламенных наслоений, станет роскошнее от щедрости многих тысячелетий, увенчается подвигами лучших искателей истины. Все это так. Но и для этих вершинных подвигов требуется окружающее великолепие, а что же может быть величественнее, нежели непревзойденные горы со всеми их несказанными сияниями, со всем неизреченным многообразием»⁹⁰.

Долина Кулу и примыкающие к ней горные районы были источником самых разнообразных знаний. «Было отмечено, – писал Рерих, – что электрические и магнитные явления особенно выражены на этих высотах. Последние обеспечивают исключительные возможности для изучения особых токов, и можно представить, какие новые исследования могли быть проведены здесь нашим великим физиком Милликаном в продолжение его недавних чудесных открытий. Замечательно, как вся собранная информация увеличивает важность этих мест, где плодородие почвы сочетается с необычным феноменом высот и историческим героическим прошлым»⁹¹. Гималаи открывали богатые возможности для изысканий в ботанике, зоологии, археологии, лингвистике, традиционной медицине и ряде других, самых неожиданных, направлений науки.

Институт развернул свою работу в 30-е годы XX века. Вначале основу его деятельности составляли коллекции и материалы, собранные во время Центрально-Азиатской экспедиции. Методы новой науки, упомянутые в Живой Этике, нашли самое яркое отражение в его исследованиях.

Рассматривая знания как нечто синтетическое, не разбитое на различные области, Рерих отразил эту идею в структуре Института. Были открыты отделы: археологический, естественных наук, медицины, научная библиотека, музей для хранения экспедиционных находок. При археологическом отделе существовали секции общей истории, истории культуры народов Азии, истории древнего искусства, лингвистики и филологии. Отдел естественных наук занимался ботаникой и зоологией, метеорологическими и астрономическими наблюдениями, изучением космических лучей в высокогорных условиях. В медицинском отделе, наряду с изучением древнетибетской медицины и фармакопеи, была организована биохимическая лаборатория, в которой изучали средства борьбы против рака.

Вся семья Рерихов участвовала в организации и работе Института. Николай Константинович был основателем и идеологом «Света Утренней звезды». Елена Ивановна, являясь президентом Института, была, по сути, ведущей в различных областях его научной деятельности. Директором Института стал Юрий Николаевич, старший сын Рерихов. К тому времени Юрий Николаевич был уже известным ученым, обладавшим широким космическим мировоззрением; он вложил немало плодотворных идей в творческую деятельность Института. Младший сын Рерихов, Святослав Николаевич, был не только художником и знатоком древнего искусства, но и прекрасным ботаником и орнитологом. Разносторонность знаний и занятий каждого члена семьи Рерихов при их слаженном сотрудничестве и неутомимой энергии способствовала успеху и широкому признанию Института «Урусвати» как в Индии, так и далеко за ее пределами.

Ученых из разных стран привлекал в Институте «Урусвати» не только уникальный район Гималаев, но и способы научных исследований, в основе которых лежала методология новой системы познания. Характерной особенностью работы «Света Утренней звезды» была «постоянная подвижность»⁹², регулярные экспедиции, в которых участвовали сотрудники и корреспонденты Института. «Нужно то, – писал по этому поводу

С.Н. Рерих. Портрет Е.И. Рерих. 1937

Рерих, – что индусы так сердечно и знаменательно называют “ашрам”. Это – средоточие. Но умственное питание “ашрама” добывается в разных местах. Приходят совсем неожиданно путники, каждый со своими накоплениями. Но и сотрудники “ашрама” тоже не сидят на месте. При каждой новой возможности они идут в разные стороны и пополняют свои внутренние запасы. <...> Впрочем, сейчас всякий обмен научными силами, всякие экспедиции и странствия становятся непременным условием каждого преуспевания. При этом люди научаются и расширять пределы своей

специальности. Странник многое видит. Путник, если не слеп, даже невольно усмотрит многое замечательное. Таким образом, узкая профессия, одно время так овладевшая человечеством, опять заменяется познанием широким»⁹³.

«Нужно будет, – писал Рерих, – и взглянуть высоко вверх, и глубоко проникнуть внутрь»⁹⁴. Речь идет о расширении пространства познания, в котором сплетены воедино небесное и земное и где верх и глубь составляют важнейшие направления исследований. В «Урусвати» методы эмпирической науки сочетались с метанауч-

⁸⁹ Рерих Н.К. Урусвати. С. 57–58.

⁹⁰ Там же. С. 36

⁹¹ Там же. С. 59.

⁹² Там же. С. 74.

⁹³ Рерих Н.К. Урусвати. С. 74.

⁹⁴ Там же. С. 75.

Ю.Н. Рерих у входа в Институт «Урусвати». 1930-е гг.

ными методами. Нравственные и этические моменты при этом имели важнейшее значение. Основатели Института были высокодуховными и нравственными людьми, несущими в себе новое космическое мироощущение. Духовные знания, накопленные в Гималаях, получили экспериментальное подтверждение. Именно в «Урусвати» начинали научно познавать тонкие энергии, магнитные токи, космические

лучи, иные состояния материи. Идея, о том, что причина многих земных явлений лежит в Космосе и мирах более высокого состояния материи, пронизывала научные концепции Института. «Свет Утренней звезды» открывал перед сотрудниками беспредельность научных исследований, выводил науку на широкий простор новых достижений.

Энергетическое мировоззрение космического мышления было реальной основой в исследованиях ученых «Урусвати». В работах Института немалое место занимали проблемы человеческого сознания, психической энергии, а также влияния энергии самого человека на научные эксперименты. Все это формировало иные подходы к лабораторным исследованиям.

Комплексные экспедиции «Урусвати» прошли по древней долине Кулу, Лахулю, Бешару, Кангре, Ладаку, Занскару. Состоялась крупная Маньчжурская экспедиция. Музей Института пополнился богатейшими коллекциями: ботаническими, орнитологическими, геологическими, археологическими. Были собраны ценнейшие образцы гималайского фольклора. Увидели свет три солидных тома трудов Института и научные работы его сотрудников. Построены здания, приобретено и вступило в строй лабораторное оборудование, значительно пополнилась библиотека. Первые успехи работы Института позволили Рерихам увидеть и разработать перспективу его развития.

«Станция (институт «Урусвати». — Л.Ш.) должна развиваться в город Знания, — отмечала Е.И. Рерих. — Мы желаем в этом городе дать синтез научных достижений. Потому все отрасли науки должны быть впоследствии представлены в нем. И так как знание имеет своим источником весь Космос, то участни-

ки научной станции должны принадлежать всему миру, то есть всем национальностям; и как Космос неделим в своих функциях, так и ученые всего мира должны быть неделимы в своих достижениях, иначе говоря, объединены в теснейшем сотрудничестве. Место станции избрано совершенно сознательно и обдуманно, ибо Гималаи представляют неисчислимые возможности во всех отношениях. Внимание научного мира сей-

Административное здание и медицинский корпус Института
Гималайских исследований «Урусвати». 1930-е гг.

Гербарии и издания Института «Урусвати»

час обращено на эти высоты. Изучение новых космических лучей, дающих человечеству новые ценнейшие энергии, возможно только на высотах, ибо все тонкое, самое ценное лежит в более чистых слоях атмосферы»⁹⁵. Рерихами было задумано новое грандиозное дело – город Знания, который должен был стать мировым катализатором новой науки – космического мышления.

Но задуманному не суждено было сбыться. Исторические события сложились так, что не только не возник столь желанный для науки город Знания, но и его первый плод – Институт Гималайских исследований – был лишен возможности дальнейшего развития. «Вдруг загрохотали американские финансовые кризисы, – с горечью писал Рерих. – Зашумело европейское смущение. Пресеклись средства. Одними картинками не удастся содержать целое научное учреждение. Давали все, что могли, а дальше и взять негде. Между тем общий интерес к Гималаям все возрастает. Ежегодные экспедиции направляются сюда со

всех концов мира. Новые раскопки раскрывают древнейшие культуры Индии. В старых монастырях Тибета обнаруживаются ценнейшие манускрипты и фрески. Аюрведа опять приобретает свое прежнее значение, и самые серьезные специалисты опять устремляются к этим древним наследиям. <...> Все есть, а денег нет»⁹⁶.

Вторая мировая война оборвала связи Института с внешним миром. «Сперва мы оказались отрезаны от Вены, – отмечал Николай Константинович, – затем от Праги. Отсеклась Варшава... <...> Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали Белград, Загреб, Италия. Прикончился Париж. Америка оказалась за тридевять земель, и письма, если вообще доходили, то плавали через окружные моря и долго гостили в цензуре. Вот и в Португалию уже нельзя писать. На телеграмму нет ответа из Риги. Дальний Восток примолк. <...> Швейцария уже оказалась заколдованной страной. Всюду нельзя.

И на Родину невозможно писать, а отсюда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали. Кто жив, а кто уже перекопал в лучший мир?»⁹⁷

Институт пришлось законсервировать. Коллекции уложили в ящики, лабораторное оборудование размонтировали, жилые помещения, в которых останавливались приезжающие ученые, закрыли. Институт, казалось, перестал существовать. В 1947 году умер Николай Константинович, в 1955 году ушла из жизни Елена Ивановна. В 1957 году уехал в Советский Союз Юрий Николаевич и там же в 1960 году неожиданно скончался. В Индии остался один Святослав Николаевич. Он сделал немало усилий, чтобы восстановить Институт. Но его обращения к Советскому Союзу не принесли результатов. В 1993 году, уже после смерти Святослава Николаевича, в Кулу был создан Международный Мемориальный Трест Рерихов. Трест сделал немало в Кулу для увековечения памяти Рерихов, но «Урусвати» до сих пор ждет своей очереди.

Пакт Рериха

Третьим важным историческим действием Н.К. Рериха был Пакт о защите культурных и исторических ценностей во время войны и в мирное время, получивший название Пакт Рериха. Николай Константинович начал работать над ним еще до Первой мировой войны. Подход Рериха к культуре и истории культуры значительно отличался от тех подходов, которые существовали в то время, да и существуют теперь.

Рерих так определял Культуру: «Культура есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и Красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце. Если соберем все определения Культуры, мы найдем синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной Красоты»⁹⁸.

⁹⁵ Письма Елены Рерих. В 2-х т. Т. I. Минск, 1992. С. 60.

⁹⁶ Рерих Н.К. Урусвати. С. 77.

⁹⁷ Рерих Н.К. Урусвати. С. 78.

⁹⁸ Рерих Н.К. Твердыня Пламенная. С. 63.

Философ Н.А. Бердяев отметил главные особенности культуры. «Древнейшая из культур – культура Египта, – писал он, – началась в храме, и первыми ее творцами были жрецы. Культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной символики, в ней даны знания и подобию иной, духовной действительности. Всякая культура (даже материальная культура) есть культура духа; всякая культура имеет духовную основу – она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями»⁹⁹.

Оба эти фрагмента, в которых мы находим суть истинной культуры, определяемой Рерихом как «оружие Света» и «синтез действительного Блага», а Бердяевым как «знания и подобию иной, духовной действительности», свидетельствуют о связи ее с более высоким состоянием материи и ее измерениями. Эта связь, идущая через внутренний мир человека, обуславливает истинное творчество в пространстве Культуры, то творчество, которое носит, вне всякого сомнения, эво-

люционный характер. В Живой Этике убедительно доказано, что именно Культура является одним из важнейших устоев эволюции человечества. Эта идея пронизывала все творчество Рериха, художественное, научное и философское.

Рерих, вопреки многим культурологам, отделил культуру от цивилизации, доказав, что она есть творчество духа, а цивилизация представляет материю человеческого обустройства. Культура – вечна, цивилизация – преходяща. Подмена одного другим является методологической ошибкой. «Многозначительно приходится повторять понятие о Культуре и цивилизации, – писал Рерих. – К удивлению, приходится замечать, что и эти понятия, казалось бы, так уточненные корнями своими, уже подвержены перетолкованиям и извращению. Например, до сих пор множество людей полагает вполне возможным замену слова Культура цивилизацией. При этом совершенно упускается, что сам латинский корень Культ имеет очень глубокое духовное значение, тогда как

Н.К. Рерих. *Sancta Protectrix*. 1933

цивилизация в корне своем имеет гражданственное, общественное строение жизни»¹⁰⁰.

Называя Культуру «Садом Прекрасным», Рерих ставил в ней на первое место Красоту как энергетический закон гармонии духа. «Осознание Красоты спасет мир», – повторил он с небольшой поправкой слова Ф.М. Достоевского. В этой формуле заключен практически весь смысл Космической эволюции, которая идет от хаоса к порядку, от простого к сложному, от элементарной системы к Красоте. Красота как категория духа утончает материю жизни и энергетику человека. Созерцание Красоты формирует в человеке философское и утонченное мирозерцание.

Рерих обращал наше внимание на то, что во взаимодействии Культуры и цивилизации приоритет должен принадлежать Культуре. Это избавит цивилизацию от многих искажений, ей свойственных. «Будем помнить завет Света, – писал он, – что, прежде всего, самое важное для нас будет дух и творчество, затем идет здоровье и лишь на третьем месте – богатство»¹⁰¹. В энергетически цельной структуре, управляемой Великими законами Космоса, пульсируют дух и материя, и стремясь к сужденному им эволюцией синтезу, то приближаются, то удаляются от него. Поэтому возникают то эпохи расцвета Культуры, и цивилизация становится культурной, то берет верх ма-

териальная цивилизация, и Культура отходит на второй план, подчас будучи не в состоянии влиять на цивилизацию.

Вникая в эволюционную суть культуры, Рерих как историк и мыслитель хорошо понимал, что культуру необходимо не только развивать, но и защищать. И защищать не только во время войны, но и в мирное время, в которое шли, по его выражению, «тихие погромы». Пожалуй, в дореволюционной России никто так много не сделал для защиты культуры и приведения национального культурного достояния в порядок, как Рерих. Идея каталогизации памятников археологии и архитектуры принадлежала ему. Он предложил составить карту археологических мест и организовывать археологические музеи под открытым небом, где научно будут осмыслены раскопы и показаны археологические памятники. Рерих выступал против разграбления мародерами археологических мест и требовал принять против этого соответствующие меры. Рерих был одним из первых, кто осуждал неграмотную реставрацию памятников культуры и истории, приводящую к их порче. Он спасал старинные иконы, доказывая, что иконопись есть уникальное художественное наследие России. Призывая государство участвовать в защите памятников истории и культуры, Николай Константинович считал необходимым

Идания, посвященные Пакту Рериха и Знамени Мира. 1932–1935 гг.

¹⁰⁰ Рерих Н.К. Твердыня Пламенная. С. 28.

¹⁰¹ Рерих Н.К. Держава Света. Священный дозор. С. 62.

Церемония подписания Пакта Рериха в Белом доме. Вашингтон (США). 15 апреля 1935 г.

просвещать в этом отношении общественность и привлекать ее к благородному делу защиты исторического и художественного наследия страны, уберечь его от «тихих погромов».

«Не знающий прошлого, – писал Рерих, – не может думать о будущем. Народ должен знать свою историю, запечатленную в памятниках старины. Народ должен владеть всеми лучшими достижениями прошлых эпох. Мы должны с великим попечением изыскивать еще нетронутые варварскою рукою древности и дать им значение давно заслуженное»¹⁰². Без прошлого нет будущего – мысль, имевшая для Рериха-историка концептуальный характер. Памятники культуры и истории он рассматривал не только как музейные редкости, но и как реальные ступени к будущему. Позже он разовьет эту идею и скажет о тонкой, необходимой для развития культуры энергетике, аккумулированной в таких памятниках и реликвиях. Рерих писал письма в различные организации, связанные с памятниками старины, публиковал очерки о необходимости сохранения памятников культуры, предлагал создать общественные ассоциации для защиты исторических памятников. «Мы, как бы почетная стража, будем

охранять ростки Света»¹⁰³, – утверждал он. Рерих назвал таких охранителей «воинами культуры».

Накануне Первой мировой войны Рерих заговорил о Пакте, защищающем памятники культуры во время войны. Он обратился с этим предложением в правительство России, но не был услышан. К идее Пакта ученый вернулся в 1929 году. В 1931 году в бельгийском городе Брюгге состоялся первый Конгресс по Пакту Рериха. В ряде стран началось серьезное движение за его принятие на государственном уровне.

«Мы оплакиваем библиотеку Лувена, – с болью писал в 1930 году Николай Константинович, – и незаменимые красоты соборов Реймса и Ипра. Мы помним множества сокровищ частных собраний, погибших во время мировых смятений. Но мы не хотим вписывать слова враждебности. Скажем просто – “Разрушено человеческим заблуждением и восстановлено человеческой надеждою”. Но все же пагубные заблуждения в той или иной форме могут быть повторены, и новые множества памятников человеческих подвигов могут быть опять разрушены»¹⁰⁴.

В 30-е годы XX века в СССР шла «культурная революция», во время которой были разру-

шены ценнейшие памятники истории и культуры. Уничтожение Храма Христа Спасителя в Москве вызвало у Рериха самую негативную реакцию: «Власть имущие! Скажите твердо и решительно, что подобные разрушения недопустимы. <...> Власть имущие! Скажите еще и еще громче о том, что разрушение Культурных сокровищ недопустимо и навсегда оставит на позорном месте разрушителя»¹⁰⁵. Но власти его Родины молчали, не обращая внимания ни на призыв ученого, ни на Международный Пакт защиты культурных ценностей, который они тогда отказались подписать.

В 1935 году Пакт Рериха по защите памятников культуры и истории был подписан президентом США Ф. Рузвельтом и представителями 21 государства американского континента. В 1954 году была принята Гагская конвенция ООН, основой которой стал Пакт Рериха. Конвенцию подписали многие страны, в том числе и СССР.

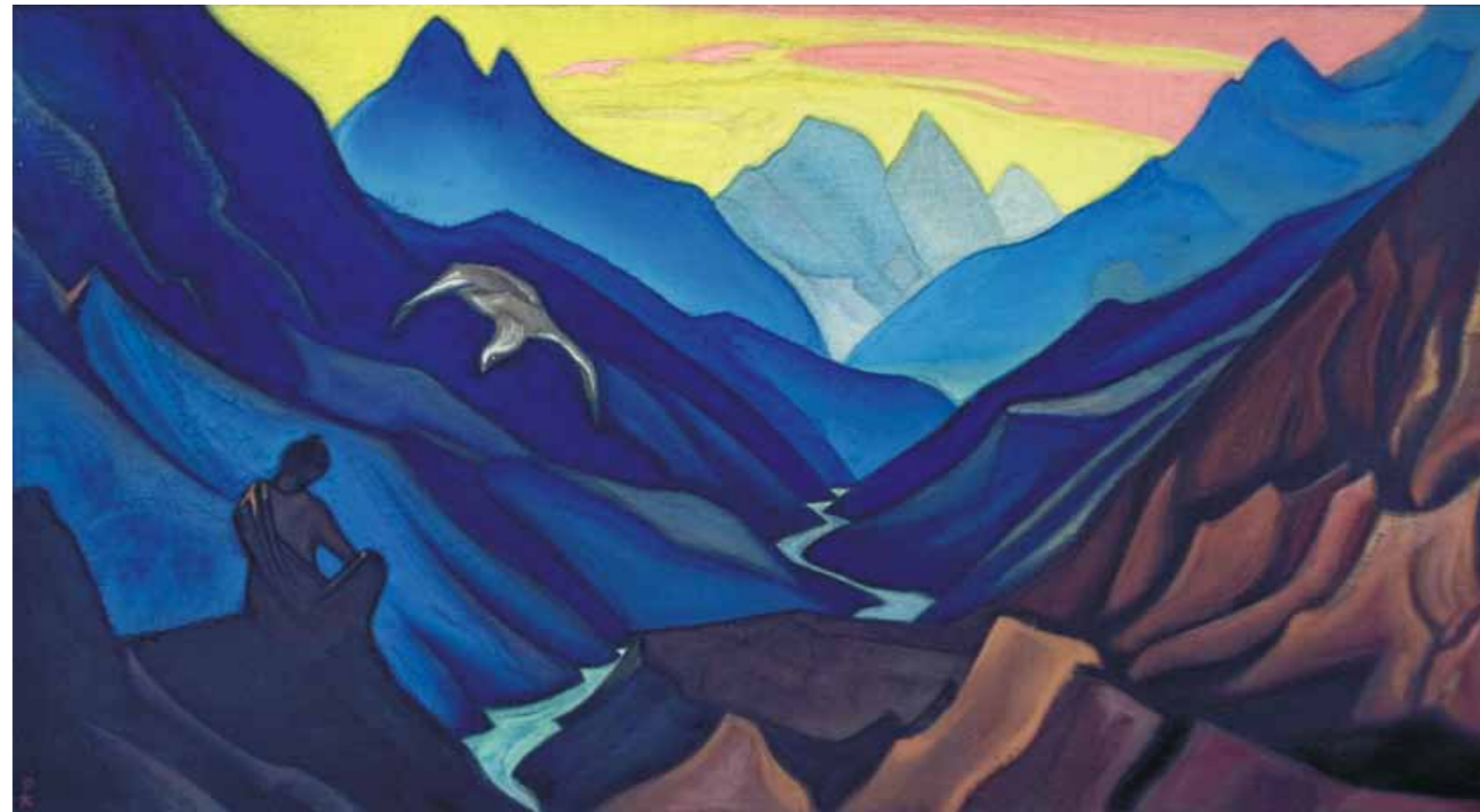
Символом Пакта Рериха стало Знамя Мира. Три малых круга в большом, знаменующие единство прошлого, настоящего и будущего в пространстве Вечности и символизирующие космический закон культурной преемственности.

¹⁰⁵ Знамя Мира. С. 141.

Когда закончилась Вторая мировая война, от которой не удалось уберечь памятники культуры и истории, Рерих, подводя итоги своей жизни за рубежом, пришел к выводу, что все порученное ему выполнено. Оставалось лишь одно – все, что он и его семья наработали, предоставить в распоряжение Родины. Он отправил советскому правительству заявление с просьбой предоставить ему визу для возвращения на Родину. Ожидание было долгим и оказалось безнадежным. В визе ему и его семье было отказано.

Великих Мудрецов в Индии называли Махариши, или Махатмами – Великими душами. На памятном камне на месте кремации Рериха в гималайской долине Кулу высечено: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Вихрам эры, что соответствует 15 декабря 1947 года. Ом Рам».

На мольберте Рериха осталась незаконченная картина «Приказ Учителя», или «Завет Учителя». Над узким каньоном, стиснутым синими скалами, от снежных сверкающих вершин летит белый орел. Он приближается к человеку, сидящему на темном уступе...

Н.К. Рерих. Приказ Учителя. 1947

¹⁰² Рерих Н.К. Берегите старину. М., 1993. С. 32.

¹⁰³ Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М., 1994. С. 45.

¹⁰⁴ Знамя Мира. М., 1995. С. 103.

А.П. Бояркина

«Вестница мира и любви»

Об отважной русской
путешественнице
А.В. Потаниной

Обширные районы Срединной Азии к началу XX столетия в большинстве своем оставались белыми пятнами на картах мира. Путешествия сюда были сопряжены с огромными трудностями природного, транспортно и политического характера. Серьезными преградами вставали безводные пустыни и высочайшие горные хребты, пути пересекались разбойничьими тропами. К этому добавлялись агрессивность, ханжество и сребролюбие местных чиновников. Эту закрытую для Европы «книгу» пытались прочитать многие исследователи, в том числе российские. И в нее вписаны замечательные страницы – экспедиции с участием русских женщин, разделивших со своими спутниками все тяготы. Эти женщины не могут не вызвать восхищения, и мы храним о них благодарную память.

Нельзя не отметить экспедиции второй половины XIX века с участием Ольги Александровны Федченко – супруги известного путешественника в Туркестан А.П. Федченко; Марфы Павловны Черской, которая после смерти мужа И.Д. Черского довела до конца труднейший маршрут по Восточной Сибири; Ольги Константиновны Позднеевой, сопровождавшей мужа А.М. Позднеева в экспедиции по Монголии и Китаю; Елены Ивановны Рерих, в 20-е годы прошлого столетия в составе Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха дважды пересекшей мало и совсем не исследованные просторы Срединной Азии.

Все они были деятельными помощницами своих мужей, посвятивших себя беззаветному служению науке. Они не только помогали, но и служили огромной поддержкой супругам. «Если чем может оцениваться деятельность женщины в истории человечества, то, конечно, не тем, сколько драм и трагедий было из-за ее обаятельных чар, сколько жертв было принесено ей как идеалу красоты и женственности, а тем, сколько внесла она мира, любви и довольства, насколько она участвовала в достижении общего человеческого счастья, сколько жертв принесла она сама на пользу и благо человечества»¹, – справедливо писал Н.М. Ядринцев еще об одной из представительниц этой замечательной когорты – Александре Викторовне Потаниной. О ней,

русской женщине со счастливой и одновременно трагической судьбой, и пойдет речь ниже.

«Александра Викторовна была первой русской женщиной, проникшей вглубь Центральной Азии и Китая; ее присутствие в составе экспедиций Потанина особенно оттеняло их мирный характер. Она не только помогала Григорию Николаевичу в его трудах и разделяла его лишения, но и служила ему огромной и ничем не заменимой поддержкой, удваивая таким образом его силу и энергию»², – писал известный исследователь Сибири и Центральной Азии В.А. Обручев.

О жизни А.В. Потаниной до замужества мы узнаем из биографического очерка, опубликованного в сборнике ее статей и личных воспоминаний³. Сборник был издан в 1895 году Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии и вышел уже после кончины Александры Викторовны.

Александра родилась 6 февраля 1843 года в Нижнем Новгороде в семье священника Лаврского. Трудолюбие помогло ей сочетать большие обязанности по хозяйству с домашним образованием, в котором ей помогала помещица Юрьева, полюбившая скромную и умную девочку. Она учила ее французскому языку, снабжала книгами. В возрасте 18 лет Александра лишилась отца. По обычаю в среде духовенства того времени место священника в приходе города мог занять только тот, кто женился на его дочери. Александра сделалась «невестой с местом», однако эта тихая, но обладавшая решительным характером девушка добилась того, чтобы место священника занял ее брат; сама же осталась при нем, устроив домашнюю школу. Спустя пять лет в городе открылось епархиальное женское училище, и Александра перешла туда на должность воспитательницы. По воспоминаниям лиц, знавших ее в то время, «она была чрезвычайно застенчивой и замкнутой натурой; но в ней постоянно жила беспокойная мысль, постоянное стремление и горячая жажда знаний. При неудовлетворенности окружающим, она тем не менее с искренней любовью относилась к делу воспитания учениц и была их общей любимицей. Не меньшей любовью и уважением она пользовалась и у своих сослуживцев по училищу»⁴.

Выдающийся русский художественный и музыкальный критик, ученый и специалист в области народного художественно-бытового твор-

чества В.В. Стасов познакомился с Александрой Викторовной в 1883 году, незадолго до третьего путешествия супругов Потаниных в Центральную Азию. Вот как он описал свое впечатление: «Она не была красива, но в ней было что-то такое, необыкновенно притягательное для меня. В ее лице была какая-то страдальческая черта, которая делала мне ее необыкновенно симпатичною, хотя мне вовсе не было известно ни тогда, ни теперь, были ли у нее в самом деле страдания в жизни. Но это были какие-то исключительные черты, глубоко нарезанные на ее бледном, серьезном лице, и я не мог смотреть на нее без особенного чувства, совершенно необъяснимого и мне самому. У ней был взгляд такой, какой бывает у людей, много думающих, много читавших, много видевших и проводивших свою жизнь в том, что много видят, много читают и много думают. Иногда этот взгляд казался рассеянным и потерянным, но все-таки необыкновенно сосредоточенным и углубленным. Я таких людей и такие взгляды люблю, признаюсь, и с теми людьми непременно знакомлюсь – и близко. У них шутки, и веселости, все какие-то серьезные, не похожие на то, что обыкновенно видишь у других»⁵.

Александре был 31 год, когда она с матерью приехала в Никольск Вологодской области навестить своего ссыльного брата Константина. Здесь она познакомилась с тоже ссыльным Григорием Николаевичем Потаниным (сосланным за участие в студенческих волнениях 1861 года) и вскоре вышла за него замуж. К этому времени за плечами 39-летнего Потанина уже был кадетский корпус, путешествие по Алтаю, участие в экспедициях П. Струве, освобождение от казачьей государственной службы, эшафот, тюрьма... Брак не сулил Александре обеспеченной жизни, но она осталась в Никольске с супругом до конца его ссылки. Затем были Петербург и первая с ее участием экспедиция в Монголию.

Встреча с Потаниным стала стимулом для Александры Викторовны. Она с большим рвением пополняет свое образование, много читает, у нее хороший слог, она изучила английский и французский языки настолько, что смогла заниматься переводами. Растет ее любовь к путешествиям, заложенная еще в детстве под впечатлением увлекательных рассказов няньки, ходившей на богомолье в Киев.

¹ Цит. по: Стасов В.В. Подвижница науки // Русское богатство. Литературный и научный журнал, 1895. №4. С. 31.

² Обручев В.А. Путешествие Г.Н. Потанина. М.: Молодая Гвардия, 1953. С. 177. Здесь и далее описание маршрутов экспедиций Потаниных и географические названия приводятся по этому изданию.

³ Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. Сборник статей А.В. Потаниной. М.: Изд. геогр. отдел. Импер. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1895.

⁴ Там же. С. XIX.

⁵ Стасов В. Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной // Северный вестник. Литературный и политический журнал, 1895. №4. С. 240, 241.

Первая экспедиция, в которой приняла участие А.В. Потанина, была в Северо-Западную Монголию (июль 1876 – январь 1878 года). В нее помимо Потаниных вошли топограф П.А. Рафаилов, монголовед А.М. Позднеев, зоолог И.М. Березовский и изготовитель чучел Коломийцев. Маршрут экспедиции, начавшись в районе оз. Зайсан, прошел по Иртышу на восток, через оз. Улунгур вглубь Монгольского Алтая до монастыря Шара-Сумэ; затем через перевал 2900 м Южного Алтая и через оз. Даин-гол до г. Кобдо. Далее маршрут пролегал через перевал Монгольского Алтая на юг до г. Хами, затем – назад в Монголию до г. Улясутай, через нагорье Хангай до оз. Косогол. После этого Потанины и Березовский вернулись в Кобдо за оставленными коллекциями и, пройдя по Чуйскому тракту, тогда – только тропе, закончили экспедицию в Бийске.

В 1905–1909 годах В.В. Сапожников, работая в Монгольском Алтае, обнаружил там новые ледники. Самый большой из них он назвал именем Г.Н. Потанина, а самый крупный его ледовый приток – ледником Александры. «Так и лежат рядом в Монгольском Алтае два ледника, напоминающая своими названиями о неизменной любви, дружбе и преданности двух скромных путешественников по Внутренней Азии»⁶.

Вторая экспедиция в Монголию, начавшись в апреле 1879-го, длилась немногим менее года и дополняла маршрут первой. Путешественников ждали суровые испытания. Вот как описывает Александра Викторовна один из эпизодов экспедиции (поездку налегке в Иркутск для зимовки), когда мороз достигал 20 °С: «Наше путешествие теперь совершенно изменило свой характер. Па-

латки с нами не было, ночевали прямо на снегу около большого костра, просыпались рано, пили чай и сейчас же пускались в путь. Ехать приходилось крупной рысью... Утомляясь от непрерывной езды и неудобного мехового костюма, я ужасно уставала. Часто просила, чтобы мне позволили пойти немного пешком или хоть бы ехать шагом; раз муж было согласился на это, и мы отстали с ним от прочих всадников, но вскоре потеряли тропинку и очень испугались: при близорукости нас обоих, нам трудно было найти потерянную тропинку на однообразной снежной поляне; с тех пор муж не позволял мне отставать... 15-го ноября к устатку присоединилось легонькое нездоровье. Лица у всех нас в этот день оказались обмороженными. На ночлеге ветер, казалось, затих, и мы отогрелись немного, хотя суп наш замерзал на полдороге ко рту... Несмотря на холод укладывались мы спать, обыкновенно снимая с себя все верхнее платье и оставаясь только в фланелевых рубашках; сапоги выставляли поближе к костру, а сами забирались в кошмы, сшитые мешками для того, чтобы снизу не поддувало»⁷.

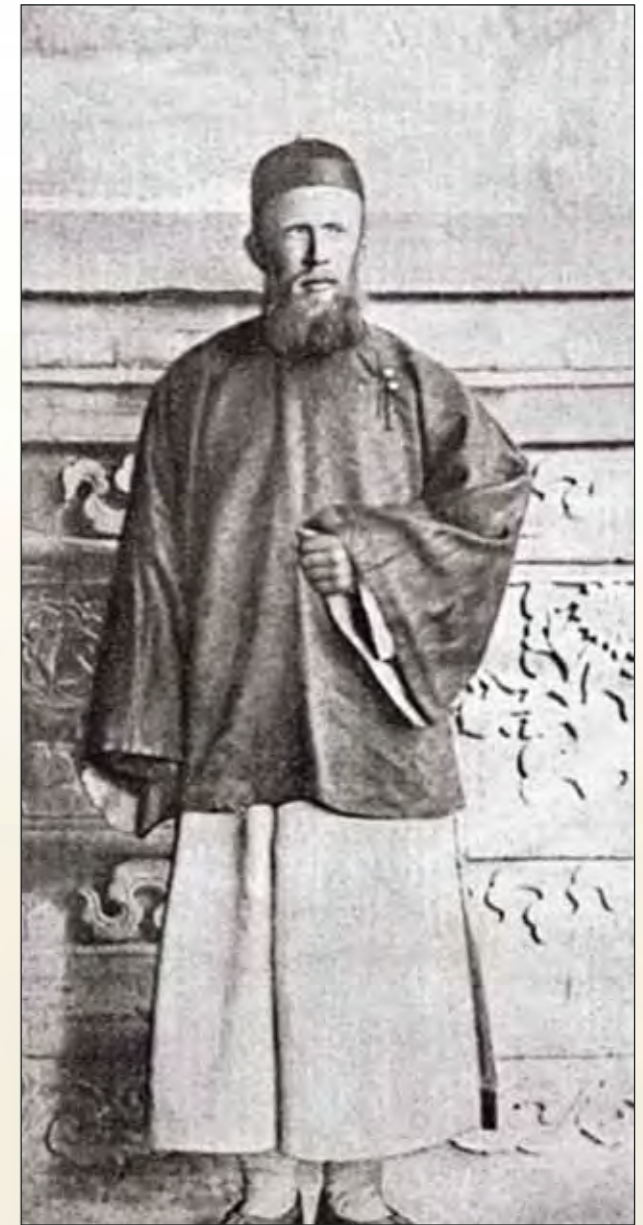
В результате этих экспедиций был собран огромный материал. Он описан Г.Н. Потаниным в двух томах «Очерков Северо-Западной Монголии»⁸.

Однажды на вопросы В.В. Стасова Александра Викторовна ответила: «Куда я еду? Зачем? Помогать мужу. Что он укажет, чем он сам будет заниматься, тем и я. Ему нельзя поспеть все сделать – у него столько хлопот, столько работы, вот я и вздумала делать все, чего он не поспевает... Да сверх того, путешествия, наблюдения – мне только радость»⁹. Но, вспоминает Стасов, Г.Н. Пота-

нин однажды на подобные слова решительно возразил: «А вы не смотрите, Влад. Вас., что она все скромничает. Только муж да муж все делает. Вы спросите, сколько у ней у самой нарисовано в путешествии подобных же вещей, да еще каких интересных»¹⁰. И, действительно, Александра Викторовна внесла своими зарисовками «то пером, то карандашом, то красками» одежды азиатского населения большой вклад в этнографию. Стасов высоко оценил ее талант и передал рисунки на хранение в Императорскую публичную библиотеку.

Третья экспедиция (15 августа 1883 – 22 октября 1886 года) по заданию Географического общества должна была дополнить исследования Н.М. Пржевальского в Тибете, изучить восточные его окраины и соседние китайские провинции Ганьсу и Сычуань. Помимо Потаниных в нее вошли Березовский и геодезист Скасси.

Длинный путь от Пекина на юго-запад до хребтов Нань-Шаня, обследование верховьев р. Хуанхэ, возвращение через пустыню Гоби с зимовкой Потаниных в монастыре Гумбум (Нань-Шань) заняли два с половиной года. И снова условия, в которые попадали Потанины, нередко носили экстремальный характер. Случались ночевки под открытым небом во время больших безводных переходов через Гоби. Особенно мучителен был переезд через Монголию в тряском экипаже на переменных лошадях. После этой поездки у Александры Викторовны развилась сердечная болезнь. Днем – скверные дороги, пыль, грязь постоянных дворов, скудное питание («питаться иногда приходилось корешками из нор полевых мышей и кротов»), а вечером – работа с дневниками, гербарием. Вот что пишет в дорожном письме А.В. Потанина родным: «А я, когда трактирная и уличная суета доведет меня чуть не до тоски, или иной раз сдела-

Григорий Николаевич Потанин

¹⁰ Стасов В. Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной // Северный вестник. С. 243.

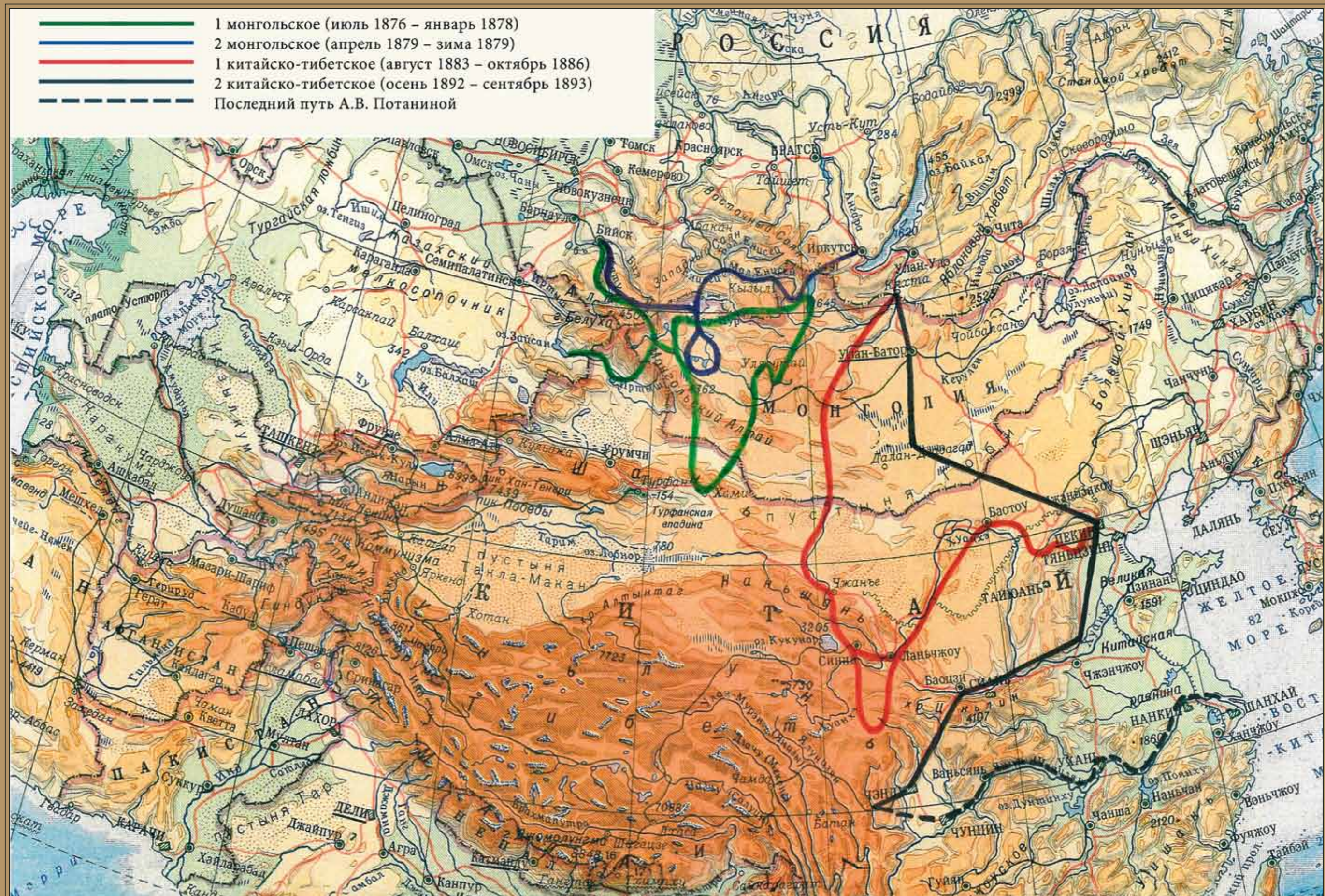
⁶ Обручев В.А. Путешествие Г.Н. Потанина. С. 70.

⁷ Там же. С. 88, 89.

⁸ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии: результаты путешествия, исполненного <...> по поручению Императорского Русского географического общества. В 4 вып. СПб., 1881–1883.

⁹ Стасов В. Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной // Северный вестник. С. 241.

Маршруты путешествий Г.Н. Потанина с участием А.В. Потаниной

А.В. Потанина. «Царевин мост» близ Дарсандро. Масло. Черно-белая репродукция, опубликованная в книге В.А. Обручева «Путешествие Г.Н. Потанина»

ется страшно и очень уж неприятно жить среди грязи, часто успокаиваюсь, слыша голоса играющих детей, а их в Китае ужасно много, в каждом доме всегда есть несколько. Думаю, где есть дети, все еще можно жить»¹¹.

Тонкой натуре Александры Викторовны доставляет большую радость красота, которой изобилует их путь. Он проходит по очень живописным и интересным местам: Великая Китайская стена, монастыри Гуйсуй, Гумбум, Сычуань, могила Чингисхана. Загадочное оз. Кукунор прошли, когда оно еще не освободилось ото льда. В пустыне Гоби им пришлось стать свидетелями «разговора духов», то есть поющих песков.

След великого путешествия остался на картах Азии: В.А. Обручев, путешествуя в тех местах в 1892–1894 годах, хребет к востоку от Кукунора назвал именем Г.Н. Потанина.

Из этой экспедиции по просьбе Стасова Александра Потанина привезла документы по художественно-этнографической части «чрезвычайной, значительной важности» – рисунки с изображением эмалей на разных пред-

метах женского туалета, преимущественно на головных уборах из провинции княжества Ордос и местечка Тао-Тунза. Это было новое слово в истории происхождения эмалей. Рисунки были опубликованы в книге А.В. Звенигородского «История и памятники византийской эмали» и сопровождаются следующими словами: «Рисунки эмалей монгольских, изображенных на нашей таблице 26-й, сделаны в Монголии путешественницей А.В. Потаниной и принадлежат В.В. Стасову. В этих рисунках являются элементы, известные нам в Европе на пространстве от VI по X столетие по Р. Х., и типы, твердо установившиеся в Северной Индии около IX века»¹².

Особенно восхитил Стасова привезенный Александрой Потаниной вышитый платок с узорами, «которые мы привыкли считать коренными и издревле русскими». И в своей последней экспедиции 1892 года «со всегдашней своей добротой и заботливостью А.В. собрала целую коллекцию монгольских вышивок». «Я придаю очень высокое значение этому открытию Александры Викторовны: оно проливает новый свет на некоторые под-

робности домашнего быта русского народа и на древние связи нашего отечества с Востоком»¹³. Но эту коллекцию Стасову передал уже Г.Н. Потанин.

После возвращения из экспедиции Потанины поселились в Иркутске. И вскоре их скромная квартира из двух комнат небольшого мезонина стала своеобразным культурным центром. Здесь ведутся долгие беседы, и хозяйка в простом ситцевом платье всегда встречает гостей самоваром. Александра Викторовна активно работает в местном печатном органе «Восточное обозрение», пишет статьи, рассказы, участвует в устройстве буддийской выставки и даже делает доклад на тему «О молочном хозяйстве бурят», чем вызывает некоторый переполох в публике (женщина на трибуне!).

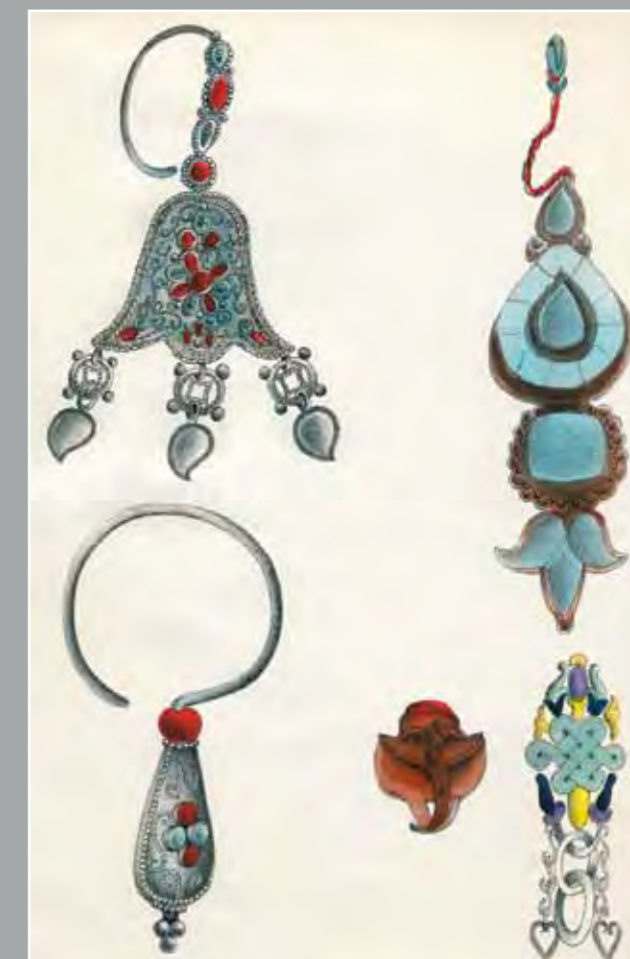
Врачи настойчиво рекомендовали Александре Викторовне отказаться от участия в ее четвертой (последней) экспедиции. Но она тщательно скры-

вает свое состояние от мужа: «Узнает – останется, а мешать ему – это ли мое назначение!» – вспоминает В.В. Стасов свой разговор с ней¹⁴. И она решилась. Осенью 1892 года из Кяхты в южном направлении выехала очередная экспедиция Потанина. Задачей ее было продолжить изучение восточной окраины Тибета и китайской провинции Сычуань. В состав экспедиции вошли И.М. Березовский, коллектор Н.И. Кошкарлов, бурят-переводчик Б.Р. Рабданов. К этой экспедиции был прикомандирован и геолог В.А. Обручев, он работал в основном автономно, ему предстояло впервые в этих краях сделать геологическое описание Внутренней Азии.

Переезд через Монголию до границы с Китаем по почтовому тракту в неимоверно трясушей повозке опять был очень мучительным, и когда путешественники прибыли в Пекин, Александра Викторовна почувствовала приступы сердечной болезни. Но она не захотела оставить

¹³ Стасов В. Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной // Северный вестник. С. 246–248.

¹⁴ Стасов В.В. Подвиги науки // Русское богатство. С. 33.

Тангутские украшения. Рисунки А.В. Потаниной

¹¹ Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. Сборник статей А.В. Потаниной. С. XXXIV.

¹² Стасов В. Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной // Северный вестник. С. 245.

мужа без своей опеки. Из Пекина путь лег в юго-западном направлении до р. Хуанхэ и далее по ее долине. Основным транспортом для Потаниных были носилки и лодки. Потанин посетил и описал священную для местного населения гору Омейшань, которая славится тем, что солнце здесь, восходя из-за облаков, иногда сопровождается ложными солнцами. Буддисты называют это «явлением Будды в ореоле славы».

В труднодоступном районе Восточного Тибета в г. Дацзянлу (Дорсандо) экспедиция задержалась на три месяца. Здесь у Александры Викторовны начались сердечные приступы, а вскоре последовал первый удар, после которого она частично лишилась речи. Потанины всегда были захвачены работой, никто и предполагать не мог, что сравнительно еще молодая, полная энергии женщина может оказаться парализованной.

Александра Викторовна постепенно отходила от паралича; в то время как Потанин совершал радикальные маршруты, продолжая свои исследования, она бродила по окрестностям, рисовала пейзажи, собирала гербарий и писала свои воспоминания. Но о продолжении экспедиции не могло быть и речи.

Тангутка из Амдо (Северный Тибет) (слева), саларская женщина из деревни Таш-куль (справа). Рисунок А.В. Потаниной

Решили возвращаться в Пекин. Около г. Джархуа с А.В. Потаниной случился второй удар. Потанин изменил маршрут и пошел к одному из городов, где находилась английская миссия. К сожалению, доктора здесь не оказалось. Пришлось по р. Янцзы спускаться до г. Чуцина, где располагался госпиталь. Но в двух днях пути до него 1 октября 1893 года Александра Викторовна скончалась.

По рекам экспедиция спустилась в г. Ханькоу, где русская колония предложила Потанину похоронить жену и поставить памятник, но он не захотел оставлять ее в чужой земле. Тогда русская колония доставила гроб с ее телом через Пекин и Калган в Кяхту, где 4 февраля 1894 года и состоялись похороны.

Могила Александры Викторовны – на кладбище у самой границы с Монголией. На памятнике эпитафия: «Первой русской женщине-путешественнице по Китаю и Центральной Азии Александре Викторовне ПОТАНИНОЙ от трудящихся г. Кяхты».

Г.Н. Потанин очень тяжело пережил кончину жены. Много лет спустя сибирский писатель Г.Д. Гребенщиков запишет слова почти ослепшего ученого и путешественника: «После того <...> я плакал непрерывно девять месяцев... Не хочу, а плачу. Должно

быть, тогда что-то попортилось в моих глазах...» Я заметил, что глаза Григория Николаевича наполнились слезами, веки покраснели, а сам он очень мило, тихо улыбался»¹⁵.

Роль Александры Викторовны в экспедициях Потанина огромна. Она бывала в гостях у жен монгольских и китайских чиновников и могла более подробно описать их быт. Она сумела свою христианскую веру сочетать с самым искренним и добрым отношением к инородцам, с которыми ей пришлось встречаться, и всегда находила что-то, чему могла у них поучиться. В.В. Стасов был не единственный, кто необычайно высоко оценил научные заслуги Потаниной. В упомянутом выше сборнике статей А.В. Потаниной содержится описание быта бурят, монголов, китайцев, тувинцев, их монастырей (в частности, подробно – Утая и Гумбума), религиозных обычаев¹⁶. Александра Викторовна была прекрасным литератором, ее путевые заметки охотно печатали сибирские и центральные журналы и газеты, ее этнографический очерк «Буряты» был удостоен Золотой медали Русского географического общества.

«Известие о ее кончине глубоко поразило меня, – писал В.В. Стасов. – “Средь лицемерных наших дел и всякой пошлости и прозы”, она прошла вестником мира и любви, всегда словом и делом сея одно только “разумное, доброе, вечное”»¹⁷.

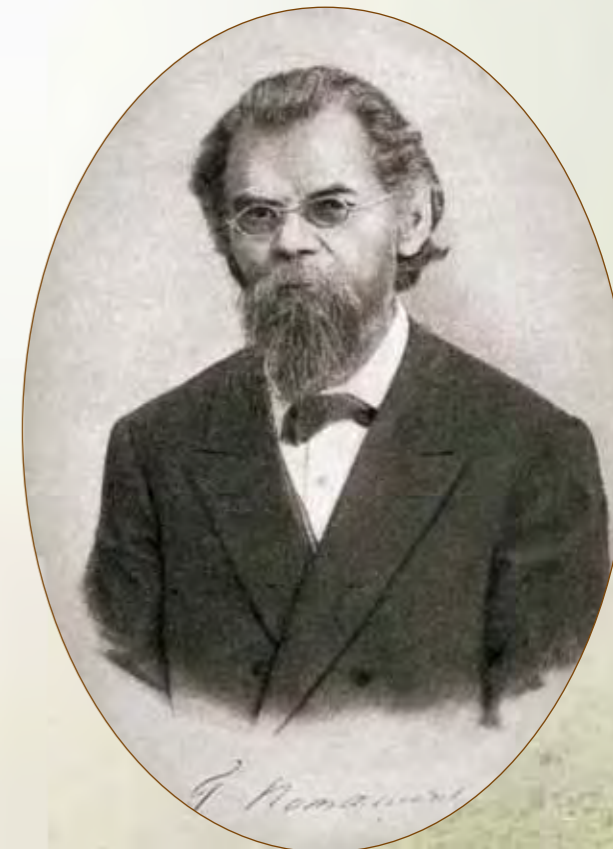
А вот его слова на вечере памяти А.В. Потаниной: «Александра Викторовна Потанина принадлежит к новой породе женщин в Европе: к числу тех женщин, которые сбрасывают с себя цепи векового морального рабства и пробуют примкнуть к той же интеллектуальной деятельности, на которой мужчина уже столько столетий проявлял всю свою силу дарования, ума, иногда гения. Мне кажется, в иных отношениях справедливо будет сказать, что современная женщина стоит выше современного мужчины... Женщин стремящихся и действующих, теперь, ко всеобщему нашему счастью, уже много, и число их все более и более увеличивается <...> У нас уже начинается “легион почетных женщин”, и, кажется, он скоро вырастет широко и могуче. В нем одной из первых, первоначальных, будет однажды, наверное, считаться та, чей портрет, среди крепов и пальм, стоит теперь перед вами всеми»¹⁸.

¹⁵ Гребенщиков Г.Д. Избранные произведения в 2-х томах. Томск: Сибирика, 2004. Т. 2. С. 456.

¹⁶ Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. Сборник статей А.В. Потаниной. М.: Изд. геогр. отдел. Импер. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1895.

¹⁷ Стасов В.В. Подвижница науки // Русское богатство. С. 42.

¹⁸ Стасов В. Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной // Северный вестник. С. 248–250.

Детали тангутской женской одежды и украшения. Рисунок А.В. Потаниной